

КНИЖНЫЙ КЛУБ ФАНТАСТИКА

Дэн Абнетт
ПОПУТЧИК

Гэв Торп
МАЛЕКИТ

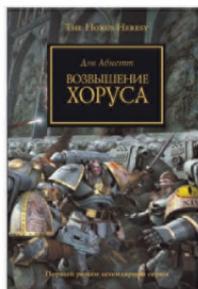
#2-2012

Крис Райт
БИТВА ЗА КЛЫК

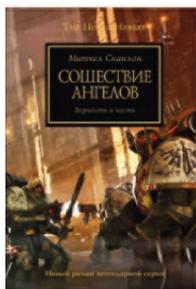
Грэм Макнилл
ОТВЕРЖЕННЫЕ
МЕРТВЕЦЫ

www.fanlit.ru

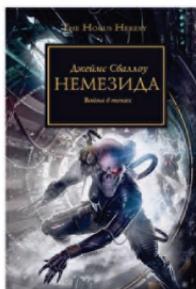
код 3145 **350 руб.**

код 3146 **200 руб.**

код 3433 **350 руб.**

код 3697 **350 руб.**

код 3571 **350 руб.**

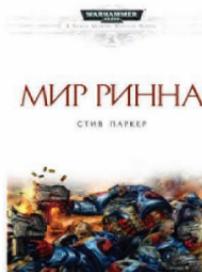
код 3122 **200 руб.**

код 3120 **250 руб.**

код 4016 **300 руб.**

код 3696 **300 руб.**

код 3995 **300 руб.**

код 3434 **350 руб.**

код 3121 **200 руб.**

код 3358 **490 руб.**

код 3890 **300 руб.**

код 3872 **350 руб.**

код 3932 **300 руб.**

**Добро пожаловать
в Книжный клуб «Фантастика»!**

На страницах нашего издания Вы сможете ознакомиться с отрывками книг, которые Вы увидите на полках магазинов в августе-сентябре 2012 года. Кроме этого, Вы сможете с помощью бланка заказа или через наш интернет-магазин www.fanlit.ru приобрести понравившиеся издания по издательской цене!

Содержание

Дэн Абнетт «Попутчик»
Гэв Торп «Малекит»
Крис Райт «Битва за Клык»
Грэм Макнилл «Отверженные Мертвецы»

The Black Library, the Black Library logo, BL Publishing, Games Workshop, the Games Workshop logo and all associated marks, names, characters, illustrations and images from the Warhammer 40,000 universe are either ®, TM and/or © Games Workshop Ltd., 2000–2012, variably registered in the UK and other countries around the world.
Used under license to Fantastika Book Club Publishers.
All rights reserved.
www.blacklibrary.com

ДЭН АБНЕТТ ПОПУТЧИК

“Дэн Абнетт великолепен!” – SFX

глава первая

На цифровом индивидуальном номерном знаке было написано: «Фэнсмен, Джин Гиллард, майор, ВУАП», но по рукопожатию и приветствию стало ясно: майор предпочитает, чтобы его фамилию произносили более манерно – что-то вроде Фансман.

Предложив стул, он пригласил Фалька располагаться поудобнее, а сам вернулся за свой стол.

– Когда прибыли? – спросил он.

– Вчера ночью. По спинраду еще месяц назад, двадцать дней карантин на Мысу.

– Получается, вы совсем не видели Поселение Восемьдесят Шесть. Вам, мистер Фальк, понравится наша планета. Вы найдете ее даже красивой.

– Поэтому есть смысл устраивать из-за нее срач? – непринужденно поинтересовался Фальк.

Выражение лица Фэнсмена тут же изменилось, будто Фальк только что искусно пропустил первые несколько тактов Гимна Поселения.

– Я что-то не то сказал? – спросил Фальк.

Лицо чиновника попыталось принять прежнее приветливое выражение.

– Мистер Фальк, мы тут выражаемся аккуратно. Употребленное вами слово несет отрицательную смысловую нагрузку. Оно, гм, обидное. Нет-нет, видит бог, я не обви-

нюю вас: вы здесь недавно и еще не успели ознакомиться со всеми нашими директивами.

– Виноват, простите, – солгал Фальк. В общем-то, во время адаптационного карантина заниматься было особо нечем. Текст каждой директивы доходил до нескольких сотен тысяч слов и полностью прояснял картину того, как развивался... военный конфликт.

Майор Фэнсмен теперь внимательно следил, чтобы широкая улыбка на его лице не сузилась.

– Существует официальная точка зрения, мистер Фальк, – сказал он, – и мы не собираемся отступить от нее. Также ее должны придерживаться все аккредитованные у нас корреспонденты. Мы взрослые люди и не видим необходимости прибегать к такому грубому методу, как военный конфликт.

Фальк слегка подался вперед.

– Майор, я понимаю, – проговорил он, – но разве эта ситуация не является по природе своей военной?

– Бесспорно. Прямо здесь, в Шейвертоне, у нас базируются пять бригад, подчиненных Военному управлению Администрации Поселения. У них сугубо охранная функция – обеспечение общественного порядка.

– Но, если возникнет реальная угроза, скажем так, – произнес Фальк, – разве эта охранная функция не требует от ВУАП применения оружия?

– Потребуется.

– И это не будет считаться военным конфликтом?

– Теперь я понимаю, почему у вас такие хорошие рекомендации, – заметил Фэнсмен и открыл лежавшую на столе папку. – Журналистское расследование. Острый, живой ум. Мне нравится.

– Вот и отлично, – отозвался Фальк.

– Где вы остановились, сэр? – спросил водитель, вызванный для Фалька майором Фэнсменом.

– Не важно. Где тут можно выпить?

– Вам нужен бар? – уточнил водитель, чуть помолчав, словно ожидая какого-то подвоха.

– А вы какой бар предпочитаете? – поинтересовался Фальк.

– «Порцию». Иногда «Клуб Мыса».

– Меня устроит любой, – улыбнулся Фальк и, закрыв дверь, поощряюще подмигнул водителю.

– Они оба для обслуживания, – с какой-то неловкостью в голосе ответил тот.

– Прекрасно. Мне и не нужен бар, где не обслуживают, – заметил Фальк.

– Вы меня не поняли. Эти бары для обслуживающего персонала. Ваши обычно посещают «Посольство», «Дом отдыха» или «ГЕО».

– В смысле, наши? – переспросил Фальк.

– Пресса, – пояснил водитель. – Для корреспондентов существует определенный список клубов и баров, если, конечно, у вас есть аккредитация.

Аккредитация у Фалька была. Это он точно знал. А вот все остальное казалось каким-то невнятным. Даже время суток определялось с трудом. Тут его организм не срабатывал. Поразмыслив, он пришел к выводу, что уже лет пять как не имеет устойчивого дневного ритма, а пребывание на Файволе с его безумными днями по двадцать минут навсегда разрушило его биологические часы.

Судя по небу над стеклянными мачтами-небоскребами, жилыми массивами и опорами Шейвертона, похоже, приближался вечер. Небо было цвета лимонного рахат-лукума с облаками из сахарной пудры.

Он не знал долготу суточного цикла на планете Поселение 86. Не то чтобы он слишком торопился попасть сюда и поскорее начать свое расследование, просто его не интересовали физические экосистемы. С этой экосистемой он познакомится, пока будет жить в ней. Во время

карантина и погружения в систему при постепенном замедлении спинрад-драйвера он изучил все политические, военные и социальные директивы и другие документы, до каких только смог добраться. АП выполняла огромный – даже по меркам больших информационных сетей и официальных вещательных компаний – объем работы по редактированию материалов, превращая живые новости в нейтральные сообщения. Встреча с майором Фэнсменом преследовала только одну цель – донести до него, Фалька, определенную мысль. А именно: «Лекс Фальк, вы – подавший заявление корреспондент, награжденный несколькими организациями за объективное и всестороннее освещение событий и беспристрастное изложение фактов, поэтому АП рада приветствовать вас на планете Поселение 86 и подтверждает вашу аккредитацию. Ваше присутствие здесь призвано засвидетельствовать ответственности, оставшейся на родной Земле, что, несмотря на сообщения о военном конфликте, Администрация Поселения ничего не скрывает, что и подтвердит ваш неприкрашенный и заслуживающий доверия репортаж. Разумеется, освещать вы будете только то, что мы разрешим».

Вот так обстояли дела. Все это Фэнсмен сказал ему между строк. Теперь Фальк должен был проникнуться услышанным и дать понять, что он осознал. По мере необходимости, эта мысль закреплялась в ходе дальнейших встреч с высшими чинами АП, занимавшими более высокое положение, чем Фэнсмен. Если очень понадобится, то можно пойти и на компромисс: АП сама подкинет Фальку лакомый кусочек, который подсластит его писанину. Рука руку моет.

Фальк откинулся на спинку удобного сиденья, а водитель, повернув на запад, выехал на Иквестриан и на скорости устремился к маячившему вдали огромному сооружению Терминала. Любопытно, что Администрацию Поселения совершенно не волновало, согласен он или нет. Из-за частых перемещений на драйверах в течение

многих лет он здорово потерял в весе и двигался не очень уверенно. Отыскать что-то действительно захватывающее было трудно, и он согласился отправиться на планету Поселение 86 с журналистским расследованием из-за командировочных – щедрых по стандартам любой сети. К тому же это дело пахло еще одной Пулицеровской премией. Заготовки у него имелись. Кое-что, о чем давно следовало бы позаботиться, но вдохновения, чтобы довести начатое до конца, не хватало. Пространный план, которым он делился с любимым, кто интересовался, потому что тогда его высказывания звучали глубокомысленно, заключался в том, чтобы вернуться домой, поправить здоровье, отключиться от всего и, сняв на год домик на берегу океана, наконец-то написать Тот Роман. Но вот чем он не делился с окружающими, так это тем, что у него пропала уверенность, о чем же будет Тот Роман, и что перспектива его написания вовсе не будоражит, хотя жить на берегу океана вроде как и здорово.

Планета Поселение 86 не произвела на него впечатления. Климат в районе Шейвертона в любое время года поддерживался в пределах комфортного – жаркий и влажный. Это было одно из мест, мало пригодных для проживания, – Фальку довелось побывать в нескольких таких. Совсем крошечное отклонение, почти пустяк, но из того, что атмосфера формально не являлась неблагоприятной для человека, совсем не следовало, что люди должны там жить. На открытом воздухе было чересчур жарко и слишком ярко. Непривычно насыщенные цвета. В помещениях слишком прохладно. Повсюду запах кондиционера и вездесущего средства от насекомых «Инсект-Эсайд» с лимонным ароматом.

Водитель отвез его в «ГЕО». Так назывались и сама корпорация, и занимаемая ею внушительная стеклянная мачта-небоскреб недалеко от Терминала. Из своих офисов

служащие представительства «ГЕОпланитии» могли наблюдать, как на Мысу тяжелые унылые паромы-драйверы с лязгом отбывали из стартовых шахт и прибывали в них, огромные, молниеносные перевозчики далекого космоса.

Бар располагался в полуподвальном помещении. Окутанный музыкой и запахом инсектицида, он вспыхивал неярким светом. Мебель в стиле Эры Первых Поселенцев, несомненно ретро, была сплетена из полимерной сетки, имитирующей ивовые прутья. Недостаток задушевности полностью восполнялся деловой активностью. В толпе четко выделялись представители нескольких групп: неместные корреспонденты и их друзья, отличавшиеся приличной осведомленностью о местных сетях; сотрудники «ГЕОпланитии»; местные жители в качестве обслуживающего персонала, рекламирующие все подряд, чтобы получить небольшую скидку от сети.

У стойки бара, выполненной из материала, имитирующего мрамор, Фальк разговорился с администратором «ГЕО». Админ заказывал напитки для празднования дня рождения коллеги. Пока бармен заполнял бланк заказа, пара небрежно заданных вопросов заставила админа признаться, что среди штатных сотрудников «ГЕО» настроение оставляло желать лучшего. Спор (даже после двух порций квазипива админ отказывался пойти против официальной точки зрения и не называл сложившуюся ситуацию ни «войной», ни даже «конфликтом») привел к неблагоприятным для корпорации последствиям. Контракты на добычу полезных ископаемых либо были грабительскими, либо оставались невыполненными. Гранты АП приостанавливались, и на внутреннем рынке из-за сложившейся ситуации акции «ГЕО» здорово упали. А «ГЕО» немало инвестировала в Поселение 86.

– Наши акции улетают в унитаз, – говорил админ, – да и доброе имя нашей компании уже плавает там же. Общественность считает, что этот спор затеяли мы, и

причиной тому – корпоративная жадность. Будто ситуация развивается по сценарию, как это было на Поселении Шестьдесят.

– Кроме того, это не постглобальная компания, – заметил Фальк, – берущая на себя ответственность за теракт, совершенный фундаменталистами.

– О! Вы и об этом знаете? – удивился админ.

– Я был там.

– На Шестидесятом?

– Да, под конец.

Админ кивнул, по его лицу было заметно, что он впечатлен.

– На Шестидесятом всю вину валили на крупную фармацевтическую компанию, пока наконец не выяснилось, что там и без того проворачивались довольно грязные делишки. Но ведь здесь другой случай? Начало этому спору положила агрессивная политика таких корпораций, как «ГЕО». Так что не надо сравнивать эту ситуацию с той, что была на Шестидесятом, если ни фига не разбираетесь в том, о чем говорите.

Админ предложил Фальку стаканчик и пригласил за свой столик. У всех находившихся здесь его коллег был болезненный вид из-за слишком долгого пребывания в искусственно созданной окружающей среде их корпоративной стеклянной мачты. Фальк никогда не понимал этого. Сам он выглядел дерьмово, потому что слишком много времени проводил на борту перевозчиков, за пределы которых не выйдешь. Но если ты едешь жить и работать на другую планету на пять или десять лет, да пусть даже навсегда, почему, черт побери, ты никогда не выходишь на открытый воздух? Какого черта все время торчать в своей мачте? С таким же успехом можно сидеть и в драйвере. Или просто остаться в Пекине.

Им было интересно послушать о Поселении 60. И он тут же выдал короткую, но немного приукрашенную историю, на ходу создавая себе репутацию бескомпромиссного

репортера-романтика. В соответствующих местах слушатели с видом знатоков охали и ахали и глубокомысленно кивали в ответ на его жесткие, но прочувствованные суждения.

Трое из них через неделю покидали эту планету: заканчивался их шестилетний контракт. Двое других уезжали в следующем месяце. Как выяснилось, незанятыми оставались целые этажи мачты-небоскреба. Некоторые опустели, когда начались разногласия: «ГЕО» переводила персонал на другие, более лояльные Поселения. Были этажи, не заселенные с самого начала. Стеклопанная мачта «ГЕО» стояла уже двадцать лет. Существовала реальная вероятность, что ее закроют и продадут прежде, чем корпорация, финансирующая ее строительство, заселит ее должным образом.

Фальк не особо слушал их разглагольствования – просто разминал свою «журналистскую мышцу». Тематика разговора не выходила за рамки жизни в мачте. Сотрудники «ГЕО» беспокоились о своем будущем, о карьере. Они снова и снова перетирали, куда и на какие должности их могут перевести и какой ужасный прессинг испытывают их акции и премии.

Квазиживо было дрянным, но и оно неплохо пошло после воздержания во время перелета и карантина. В голове слегка гудело, и Фальку стало хорошо. Он придал лицу выражение заинтересованности.

За соседним столиком собрались местные журналисты. Один из них показался ему знакомым. Постаревшее, измученное заботами подобие человека, которого он когда-то знал, его старший друг и наставник.

– Фальк? Ты?

Он узнал ее голос, но не лицо, обернувшись к ней. С тех пор как он видел ее в последний раз, она еще больше расплнела. Но ее улыбка, впрочем как и голос, не изменилась.

– Клиш.

Он встал и обнял ее. Его пальцы не смогли встретиться у нее на спине. От Клиш пахло питательными батончиками и сахарно-пластмассовым остаточным вкусом пакетиков диетконтроля. Нетронутых открытых участков кожи у нее почти не осталось. Череп, часть шеи у горла и массивные плечи, где их не прикрывали рукава топика с надписью «Cola», усеивали созвездия шрамов от хирургических операций.

Фальк не встречал ее со времен своего пребывания на планете Поселение 77, да и тогда видел только на экране.

– Как дела? – спросил он.

– В порядке. Нет, правда в порядке, – рассмеялась она.

– Смотрю, ты бросила.

– Пришлось, – ответила она, оглядывая его. – Врачи сказали, что надо бросить. Нельзя крутиться вечно. Фрикс-си, и с тобой покончено. Надо какое-то время пожить в гравитации.

– Но, Клиш, крутиться – это твоя работа, – заметил Фальк.

– Я понимаю, но выбора не было: или соглашаться, или умереть. Вот я и решила, поживу на планете с нормальной гравитацией, сброшу вес. Не сомневайся, я не собираюсь откинуть копыта от сердечного приступа.

Она снова оглядела его с головы до ног:

– Вот смотрю на тебя, Фальк: мы с тобой, как статьи в энциклопедии, пафосные и переполненные.

– Ну, не знаю, как ты, а я в очень приличной физической форме, – возразил он.

– Ты выглядишь как дерьмо. Но дерьмо, которое я рада видеть. Купи мне выпить.

Он знал ее много лет, но их отношения сложились именно за те шестнадцать месяцев, что они проработали на Поселении 77. Клиш поставляла информацию, редактировала и управляла новостными линиями с записываю-

щей станции, которая вращалась на высоте двадцати девяти миль. Она оказалась самым дельным и осведомленным редактором-инженером, с которым ему доводилось работать. Они стали друзьями, но никогда не встречались в реальном мире. Она никогда не отключалась от коммутатора сети и не покидала свой дом, в котором всегда царила невесомость. Длительное пребывание в невесомости рано или поздно дает о себе знать. Кости становятся легкими или возрастает масса тела, иногда и то и другое. Не важно, насколько хорошо смоделированы солнечный свет, чистый воздух, свежая вода и еда, – все это имитации, которые в конце концов отравят тебя. Диабет, сезонная депрессия, мышечная дистрофия, дисфункция внутренних органов, ожирение, экзема – все это виды расплаты за невесомость.

Они разговорились. Он заметил, какими костлявыми – как ветви деревьев – казались его запястья по сравнению с ее. Пожалуй, он слишком долго передвигался на переносчиках.

– Ты прибыл, чтобы освещать события, которые упорно не хотят называть войной? – поинтересовалась она.

– Да.

– И уже в Администрации был? Они не очень-то расположены давать пропуска свободной прессе.

– У меня постоянно действующий пропуск, – ответил он, сделав глоток виски. – Аккредитация Администрации Поселения.

– Ну, еще бы. – Она одарила его своей приветливой улыбкой, которую он видел миллион раз на мониторах с высоким разрешением.

– Они приготовили для меня несколько встреч. Я видел программу ВУАП. – Он сложил ладони вместе, включая крошечный экран сэлфа, и открыл документ, который переслал ему Фэнсмен. – На все про все – два дня: сначала – Майтэ-Сандз, затем – Маблхэд. – Он дал ей взглянуть на экран сэлфа в своей руке.

Поджав губы, Клиш покачала головой.

– Что? – спросил он.

– Рекламная акция. Фальшивый лагерь, который показывают всем.

– Не фальшивый.

Держа высокий стакан так, будто собиралась раздавить его, Клиш потягивала «НоуКалКолу».

– Ладно, согласна, это та еще дыра. Задумано так, чтобы создать впечатление, что видишь нечто подлинное. Маблхэд – да, там бывало жарко, но теперь нет. Фальк, это туристическая поездка. Вам покажут стену с глубокими выбоинами от пуль. Ее всем показывают. А через четыре дня ты будешь сидеть тут и рассказывать мне, как тебе показали стену с выбоинами от пуль.

– Так всегда бывает. Сначала едешь в их тур, а затем находишь свой след и идешь уже собственным маршрутом. Ты же знаешь.

– Здесь такое может не пройти, – заметила она. – Фринкинг-си строго следит за этим.

– А ты здесь, чтобы составить отчет для прессы?

– Да. Хоть какое-то разнообразие. Вот подумала: если Фальк с этим справляется, то, интересно, насколько это трудно? Они ни к кому из нужных людей и близко не подпускают. Как правило, чтобы получить пропуск, приходится давать взятку.

– И ты тоже придерживаешься этого правила?

– Ну...

– Клиш, и есть результат?

Она строго взглянула на него:

– Фальк, я здесь уже три месяца. Подобрала кое-какие цифры, факты, и вроде неплохо получается. Материал уже почти готов. Могу поделиться с тобой, если, конечно, ты, пробыв тут всего три минуты, не добудешь что-то более ценное.

– Да ладно тебе, Клиш, делись.

– Терпение, друг мой. Подключи свое очарование. У моей информации нет полной гарантии. И если эти

сведения выплывут наружу, меня просто навсегда выгонят с работы.

– Все так сомнительно?

Она пожала плечами:

– Остаток жизни я проведу, обучая основам линга учеников выпускного класса в школе на каком-нибудь Поселении. Или в тюрьме.

– Поделись со мной, – попросил он. – Что ты узнала? Блок действительно причастен к конфликту или просто корпорации состязаются в стрельбе?

Она наклонилась к нему и чуть слышно произнесла:

– Фальк, похоже, на этот раз – правда, Блок.

глава вторая

Фальк вел себя как пай-мальчик. Следующие два дня он оставался в Шейвертоне, и ни на шаг в сторону. Он гулял по незатейливым бульварам, так прозаично спроектированным благодаря бедному воображению дизайнера – ряды деревьев, имитирующих пальмы. Под ослепительно сверкающими тентами обеденных террас он пил охлажденный чай и «НоуКалКолу» и наблюдал за всякой порхающей живностью и жужжащими в солнечном свете жуками. Самые большие жуки, так называемые блёрды, были величиной с воробья, но ничего особенного собой не представляли. Они летали, словно искусно выполненные поделки из бумаги.

На второй день он обедал с Клиш в одной из точек сети «ПроФуд» на северном конце дороги на Мыс. Они сидели около большой пластмассовой статуи Бустера-Рустера. Клиш привела с собой пару знакомых: женщину по имени Силвейн, внештатного корреспондента «Нетворта», и мужчину с ничем не примечательной внешностью, которого она представила как сотрудника отдела логистики АП. Предположив, что это и есть ее информатор, Фальк попробовал разговорить его, но тот оказался необыкновенно скучным и необщительным и бóльшую часть времени обсуждал с Силвейн тарифы на импорт.

– Знаешь, что у Семьдесят Седьмого теперь есть имя? – спросила Клиш Фалька.

- Официальное? Не слышал.
- Да. Теперь эта планета называется Фронтирия.
- А статус Поселения какой? Полноправное государство?
- Угадал.
- Ого.
- Сто тринадцатое государство в Объединенном Обществе, – добавила она.
- Для меня эта колония навсегда останется Поселением Семьдесят Семь, – сказал он. – Какой идиот придумал Фронтирию?
- Согласна. Это фрикинг-си ужасное название.
- Слушайте, почему вы все время говорите «фрикинг-си»? – спросил он, отставив в сторону свой прибор.
- Спонсорское ругательство, – ответила Силвейн.
- Как это?

Силвейн была довольно хорошенькая, но будто работала на камеру. Ее привлекательности, созданной за счет одежды и косметики, не хватало глубины.

– АП хочет во всех программах держать сквернословие под контролем, – объяснила Силвейн, – особенно если персонал собирается работать в социальных сетях ОО. Вот и придумали программку, которая не пропускает ругательства.

– А компания «НоуКалКола» выступила с инициативой спонсировать одно постоянно повторяющееся слово, которое заменит любое ругательство, – добавила Клиш. – Им стало «фрик-си». Как в «НоуКал Фрик-Си», напитке со вкусом лайма. Тебе разве не предложили подшить антимат, когда ты прибыл сюда?

– И что, ее буквально внедряют в вас? – забеспокоился Фальк.

– Линг-программа, – пояснила Клиш, – это и пропуск, и требование для любого корреспондента, будь хоть ассоциированный, хоть независимый. Используется повсеместно во всех сетях.

– И краткий призыв в конце слова вы издаете за счет антимата? – поинтересовался Фальк.

– Это фрикинг-си изумительно, а? – проговорила Клиш, смакуя произношение. – Первые несколько дней я только и занималась, что фрикинг-си ругалась, и, скажу тебе, не смогла произнести ни одного ругательства, кроме этого спонсорского слова.

– Так вы что, больше не можете ругаться? – со смехом спросил Фальк.

– Никто не может, – ответила Клиш.

– Скажи «мать твою»! – потребовал он.

– Фрик-си! – произнесла Клиш.

– А я и не хочу, – добавила Силвейн.

– Мне никто не подключал никакие программы, – произнес сотрудник отдела логистики. – По-моему, сквернословие – признак ограниченного воображения.

– Забей! – ответил Фальк. – Что случилось со свободой?

– Все совершенно свободно, – возразила Клиш. – Мне ничего не пришлось платить за эту программу.

– Я имел в виду конституционное право любого гражданина Объединенного Общества, – пояснил Фальк.

– Так и я, малыш, веду о том же этот фрикинг-си разговор, – заметила она.

Утром первой запланированной поездки от него потребовали явиться за два часа до рассвета на базу в Кэмп-Ласки у южной опоры Шейвертона. Он прибыл туда вовремя, но чувствовал себя дерьмово. Никак не получалось приспособиться к местному суточному циклу. Запаздывание доставало его. В полночь сна не было ни в одном глазу и хотелось чего-то, он и сам не знал чего. Накануне вечером он пил квазивиски в баре «ГЕО» в надежде, что удастся поспать, и, может быть, даже не одному, а вместе с Силвейн. Чисто классический случай: он не особо хотел спать с ней, он просто хотел спать, и не важно с кем.

На этот счет Фальк не привередничал. Он чувствовал то самое непонятное хотение. Он позволил ей ответить «нет», что, собственно, и ожидалось, а про себя отметил полезность такого тренировочного боя для возвращения на ринг.

Проснулся он отвратительно рано. С ощущением, что кто-то сложил ночь пополам. Под утро ему удалось урвать полчаса сна, и после вчерашнего голова плохо соображала. Несмотря на принятые пилюли и выпитую бутылку воды, лучше не стало.

Транспорт подобрал его и еще двух корреспондентов у ворот, под бело-голубыми лампами. Жуки с безразличием бились о сетку, прикрывавшую лампы.

Его спутники выглядели выспавшимися и готовыми к поездке. Он же чувствовал себя разбитым. Интересно, у него очень несвежее дыхание? Да и ладно, пошли они все...

Два бритоголовых представителя ВУАП в камуфляжной форме, взглянув на удостоверения, пропустили их за шлагбаум в зону ожидания около посадочного терминала. К ним подошла уорент-офицер по фамилии Теддерс. Она еще раз проверила их удостоверения и заставила убрать сэлфы и другие передающие устройства. Аппаратуру упаковали в полиэтиленовые сумки, которые с наклеенными и подписанными ярлыками отправились в багажное отделение.

– Вас прикомандируют к военной части, – сообщила уорент-офицер, – и мы не можем позволить ни одного вашего произвольного сигнала с территории, куда вы в скором времени отправитесь в составе патруля.

Один из корреспондентов достал блокнот и поинтересовался, можно ли пользоваться им. С минуту Теддерс разглядывала блокнот. Она была невысокого роста и крепкая. Форма – с закатанными до локтей рукавами. Волосы собраны на затылке в тугий тяжелый узел, напоминавший гранату.

– Как вы, сэр? – спросила она, когда очередь дошла до Фалька.

– В полном порядке, благодарю, – ответил он, стараясь придать лицу жизнерадостное выражение.

– Рада за вас, – произнесла она, одарив его взглядом, предполагавшим, что Фальк – пассажир, с которым ей следует обращаться по-особому.

– Насчет меня у вас особые распоряжения? – поинтересовался он.

– Я только выполняю свою работу, сэр. Провожу предварительный досмотр. Насколько я понимаю, мне выпала честь быть представителем принимающей стороны для такого именитого репортера и провести его через самое пекло. А я отношусь к своим обязанностям серьезно.

– Я не кусаюсь, – сказал он.

– А я и не дам себя покусать, – парировала она. Ее улыбка была уверенной и неподкупной. Затем выражение лица слегка изменилось и стало более приятным. – Если хотите, можете досидеть до конца инструктажа о неразглашении секретной информации после выполнения военного задания, но, уверена, с вашим опытом вы не услышите там ничего нового.

– В любом случае даже с моим опытом интересно послушать. Инструктаж входит в процедуру прикрепления к военной части. И кроме того, не хочу обижать коллег особым к себе отношением.

Он мотнул головой в сторону своих спутников-журналистов.

– Тогда ладно, – кивнула Теддерс.

Четыре других журналиста уже собрались в помещении для инструктажа прямо за зоной ожидания. Как и те двое, что прибыли вместе с Фальком, они выглядели выспавшимися и бодрыми. Ему хотелось чаю и чего-нибудь перекусить и минут двадцать посидеть в чистой уборной. Он чувствовал себя старым дядькой с дурным характером, которого случайно пригласили на свадьбу.

– Майор Селтон, – объявила Теддерс, и Селтон выступила вперед. Да, это тоже была «она», длинноногая амазонка по сравнению с компактной Теддерс. Выпуклости под ее формой убивали наповал. У нее были иссиня-черные, коротко подстриженные волосы. Немилосердно яркий свет от верхних ламп тускло поблескивал на номерном знаке у ее горла.

– Добро пожаловать в Ласки, – произнесла она. – Надеюсь, у вас все в порядке и самочувствие отличное. ВУАП желает вам комфортабельной и безопасной поездки, и напоминаю, вы подписали отказ от предъявления каких-либо требований. Моя коллега, уорент-офицер Теддерс, скоро закончит предварительный досмотр, но подчеркиваю еще раз: если у вас есть при себе передающие устройства, их необходимо оставить здесь. Мы не можем подвергать опасности нашу связь. Если вы не знаете или не уверены, лучше спросите сейчас.

Она приблизилась к большому ящику на стене, и под воздействием ее номерного знака он включился. Сначала пошла заставка, затем на голубом фоне появился крестообразный логотип ВУАП. Селтон продолжала говорить.

– Поселение Восемьдесят Шесть появилось сто десять лет назад во время Второй Экспансии, – с пафосом произнесла она. – Администрация Поселения официально объявила все Северные Территории планеты Поселение Восемьдесят Шесть находящимися под юрисдикцией Объединенного Общества, подтверждая заявления ОО о долгосрочных инвестициях в Северные Территории и поддержку их. Через два года это соглашение было ратифицировано. Девятнадцать небольших участков в южных и приполярных зонах остаются за пределами доминиона – Объединенного Общества. Семь участков – независимые коммерческие внешнепоисковые станции. Остальные – сельскохозяйственные владения Центрального Блока.

Топографические и геополитические спутниковые карты Поселения 86 быстро сменяли друг друга на экране, мелькали яркие отметки и пробегали строчки информации, затем карта исчезала. Коснувшись рукой экрана, Селтон приостановила смену карт:

– Десять дней назад Северные Территории подали заявление на присвоение им статуса полноправного государства. Сейчас мы проходим обычную долгую и медленную процедуру выявления и оценки противоречий. АП поддержала заявление и ожидает, что статус для Поселения Восемьдесят Шесть одобрят в течение пяти лет.

– При условии, что война будет окончена? – спросила журналистка в первом ряду.

«О не-е-ет! Не перебивай ее! – поморщился Фальк. – И не произноси слово „война“!»

Селтон не пропустила удар. Взглянув на корреспондентку, пышнотелая девушка в зеленой облегающей форме одарила ее сногшибательной улыбкой. Ее взгляд испепелял.

– Возможно, локальная ситуация здесь, на Поселении Восемьдесят Шесть, потребует переоценки ценностей, – невозмутимо произнесла Селтон. – Однако это не имеет прямого отношения к процессу получения статуса полноправного государства.

– Но конечно же... – попыталась продолжить журналистка.

«Мать твою, да отстань ты от нее! – мысленно выругался Фальк. – Ради всех святых, оставь ее в покое!»

Он поднял руку.

– Что дает Восемьдесят Шестому этот статус? – спросил он. – Станет сто четырнадцатым государством Объединенного Общества?

– Сто четырнадцатым или сто пятнадцатым, – ответила Селтон, приветливо улыбнувшись ему. – Зависит от того, получит ли Поселение Шестьдесят Шесть такой статус раньше нас.

– И как будет называться Восемьдесят Шестое? – поинтересовался Фальк.

– Пока не известно. Решение на этот счет еще не принято.

– Но официальное наименование, как правило, указывается уже в заявлении.

– Разумеется. Я имею в виду, мы не располагаем подобной информацией. Думаю, какие-то варианты рассматриваются. Это не в моей компетенции. Вам надо обратиться напрямую в АП.

– Благодарю. – Фальк сделал вид, что записывает. Определенно эта девица в ветровке теперь его должница за то, что он разрядил обстановку.

– Выежаем, ориентировочно, около четырнадцати часов сегодня. Погода на побережье ясная, поэтому можно рассчитывать на хорошую поездку и в горном районе. На последнем этапе пересядем с вертолета на вездеход. За каждым из вас будет закреплен солдат. Можете задавать им вопросы, но вы обязаны – я подчеркиваю, обязаны – беспрекословно следовать их инструкциям в любое время. Потенциально это зона обстрела, поэтому опасность быть убитым присутствует. Следуйте инструкциям. Неукоснительно. Мы надеемся, что все пройдет спокойно, но, если все-таки что-то пойдет не так гладко, как хотелось бы, нам не надо, чтобы еще и вы усложнили ситуацию.

– Не стоит благодарности, – произнес Фальк.

Девушка в ветровке взглянула на него.

– Благодарности? – переспросила она.

– Я принял удар на себя.

– О чем вы вообще говорите? – спросила она раздраженно. Она была не в лучшем расположении духа, о чем свидетельствовали несколько складочек на переносице.

Они вышли из помещения, застегнули куртки, обрызгались «Инсект-Эсайдом» и стали ждать, когда их заберут.

– Селтон чуть не испепелила вас, – заметил Фальк.

– Я всего лишь задала юридический вопрос.

– То есть назвали вещи своими именами? – рассмеялся

Фальк.

– Кто, черт побери, вы такой?

– Фальк.

– Я сама решаю, как мне поступать, Фальк.

– Сколько же уроков в школе хитрости вы прогуляли? – поинтересовался он.

– Черт! – воскликнула она, отступая от него. – Вы пристаёте ко мне! Станный какой-то...

И она отошла прочь.

– Успокойтесь, – сказала Теддерс. Она стояла рядом с ним.

– Есть люди, которые не понимают, что им оказывают услугу, – проговорил он.

– Согласна.

– Кто она? – спросил Фальк.

Теддерс справилась по своему сэлфу.

– Нома Берлин. Журналистка-контрактница от «Дейта-Скаттер».

– Новенькая, – пробормотал он.

– Молодая еще, научится, – заметила Теддерс.

– То есть? – уточнил Фальк.

– Вы о «научится»? – переспросила Теддерс. – Или о «молодая еще»?

Он покачал головой, сводя все к шутке, словно это не касалось его. На лице Теддерс застыла сдержанная улыбка.

– Вы поедете с нами, Теддерс? – спросил Фальк.

– Сегодня? Ну уж нет. На фига оно мне!

Селтон призвала всех к порядку. Солнце уже показалось и начало пригревать, в воздухе закружились крошечные жучки. Она дала еще кое-какие указания, задала пару вопросов, а затем повела их к ангарам.

За время, что прошло с инструктажа, она успела надеть бронежилет, застегнув крепёжные ремни серо-желтого цвета. На ее левом бедре была прикреплена кобура для оружия ближнего боя.

В просторном ангаре было целое море прохладного воздуха. Большие матово-серые вертолеты стояли в ряд, повернувшись носом к северным дверям. С-440, последнее чудо науки и техники, впечатляли. Лопасти их турбовинтов были аккуратно сложены и напоминали бутоны цветов, ожидающих появления солнца.

Рядом с каждым геликоптером военные ВУАП надевали снаряжение, разложенное на полу ангара у всех в одинаковом порядке. Все они были здоровенные ребята, даже девушки. Как и Селтон, они носили камуфляжную форму и такое же оружие. При этом они просто поражали своей чистотой и аккуратностью. Личный боекомплект включал в себя внушающее уважение оружие, сейчас разложенное на полу. Стандартно в него входил тяжелый черный излучатель МЗА, известный как «волынка», или «волынщик», но некоторые солдаты, отправляясь на задание, брали с собой более компактный ПАП-20 со съёмным магазином под безгильзовые патроны двухмиллиметрового калибра. Повсюду пахло оружейным маслом и противопыльной смазкой.

– Фальк?

К нему направлялся один из военных. Довольно высокий солдат, а из-за бронежилета и амуниции он казался еще массивнее, особенно голова.

– Вы Фальк?

– Да.

Военный поднял руку:

– Ренн Лукас, контрактник. Вы прикреплены ко мне.

глава третья

Поднявшись в воздух, вертолеты направились под рев винтов в глубь страны. Низко и целеустремленно, они быстро продвигались по заданному курсу.

Через открытую боковую дверь Фальк наблюдал, как по земле их догоняла собственная тень, состязаясь с ними в соблюдении идеальной параллельной траектории. Иногда она взмывала вверх, огромная, как вулканические скалы, иногда проскальзывала мимо, иногда будто съезживалась, становясь маленькой и далекой.

Лукас проверил ремень безопасности Фалька.

– Не хочу, чтобы вы вывалились, – проговорил он.

Его голос, слегка приглушенный, гулко раздавался с небольшой задержкой в левом наушнике Фалька. У голоса его контрактника словно была собственная тень, как и у вертолета.

В вертолете находилось еще восемь военных ВУАП и два других журналиста – спецкор корпорации, бородатый щуплый зануда по имени Жано, и девушка в ветровке.

Закончив очередную проверку снаряжения, Лукас прошел в другой конец вертолета походкой человека, привыкшего ходить с тяжелым снаряжением в качку. Его умение пользоваться поручнями было доведено до автоматизма.

– О чем вам рассказать? – спросил он.

Фальк неопределенно пожал плечами.

Усевшись рядом с ним, Лукас пристегнул ремень безопасности.

– Майор Селтон приказала отвечать на все ваши вопросы, продемонстрировать наши навыки и умения, чтобы вы изменили свое мнение.

– Да, мы здесь именно за этим, – подтвердил Фальк.

Лукас улыбнулся и показал на пальцах, будто что-то подкручивает.

– Не надо кричать, – произнес он. – Я отлично вас слышу.

– Простите.

– Хотите, расскажу о нашей «птичке»? – предложил Лукас. – Стандартный вертолет с тяжелым вооружением, рабочая лошадка ВУАП. Мы зовем их «бумерами».

– Си четырехста сорок «Эйвери Бореал», – вмешался в разговор сидевший рядом Жано. – Четыре двигателя, в народе известен как «бумер» или «громовая птица». Создан на базе давно применяемой платформы Си Четыреста сорок, оборудован приборами нового поколения, шестислойная обшивка фюзеляжа. Производители «ГЕО» и «Лоуманн-Эскейпер Системс», действующие по лицензии от «Эйвери Даймлер Эйзер». Грузоподъемность – сорок тысяч фунтов. Максимальная скорость – двести семьдесят пять узлов.

Лукас добродушно рассмеялся.

– Вам нет смысла дальше здесь оставаться, – заметил Фальк, обращаясь к Жано.

– О, вижу, вы знакомы с этой штукой, – произнес Лукас, все еще приятно удивляясь.

– Проверьте меня, – усмехнулся Жано. – Что еще вы хотите узнать? Диапазон – девятьсот тридцать миль, подъем – двести двадцать футов в минуту. Дисковая нагрузка – шестнадцать фунтов на квадратный фут. Разумеется, все показатели соответствуют местным стандартам. Это модель «Игресс» с усиленным...

– Нет, – произнес Фальк.

Лукас и Жано уставились на него.

– Это модель «Эхо». У тех нет силовой установки «Лайкоминг». Да и гондолы тоже больше. Это Ти Четыреста девяносто «Норсроп» с низкоэнергетическим ядерным реактором.

– Глазастый, – снова рассмеялся Лукас.

– Отличная машина, – произнес Фальк.

– И даже виду не показали, что вам это известно, – усмехнулся Лукас.

– В отличие от некоторых, – ответил Фальк, одарив Жано ядовитым взглядом и произнеся одними губами: – Да пошел ты!

Снаружи видимость была плохая. Свинцовое небо будто окутало их тускло-пыльной жарой. Можно было физически увидеть, какой жаркий и душный стоял день.

И какой ужасной и бесконечной была земля под прыгающей, мелькающей тенью в этой нескончаемой гонке.

Они приземлились у Майтэ-Сандз, на столовой горе, возвышавшейся над раскинувшимся внизу лагерем. Пока реактивные двигатели, завывая, «припарковывали» вертолет, пассажиры сидели, склонив головы.

В воздухе еще не осела поднятая пыль. Небо представляло собой сочетание жары и ослепительно-резкого света, слишком горячее, слишком равнодушное. Фальк достал свои антиблики и надел их. На левой руке он включил функцию «снимок», чтобы, когда понадобится, можно было делать мини-фотозаметки.

Свет будто царапал лицо. В довершение к скрипящему на зубах песку Фальк ощутил укол статического электричества. Небо над этой невысокой горой с плоской вершиной было одновременно и слишком большим, и слишком близким. Оно пугало, несмотря на похожие на лыжные маски, которые пришлось надеть. Хотелось откашляться и сплюнуть, чтобы прочистить горло от песка, но он постеснялся. Плевок выглядел бы здесь вызывающим и

неуважительным. Фальк решил, что страх ему внушало именно задиристое небо, а не храбрые бойцы ВУАП.

Скучные указатели величиной с человеческую руку напоминали кости, побелевшие от солнца и дождя. Он собрался с духом, поднял багаж и, дожидаясь остальных, щелкнул несколько снимков. Получилась пара отличных фотографий стоящих в ряд «бумеров» и еще две – с девушкой в зеленой ветровке, наклонившейся завязать шнурки. Сохраненные картинки еще секунду оставались на внутренней стороне его антибликов, прежде чем исчезнуть.

Прибывшие начали спускаться в лагерь, представлявший собой группу деревянных бараков и ангаров, используемых как склады. Все краски на поверхностях, которых касался песчаный ветер, поблекли. Сотрудники ВУАП уже встречали их. Фальк заметил несколько вездеходов «Фарго» и другую тяжелую технику, стоящую дальше за базой и спутниковыми антеннами. В ключевых точках оборонного периметра лагеря пулеметчики ВУАП установили самонаводящиеся пулеметы. Фальк наблюдал, как одно из орудий медленно передвигается на своих приземистых черепаших лапах. Выкрашенный белой краской короткий короб, охватывающий четыре спаренных ствола, оставался почти невидимым на фоне неба.

Селтон подошла к представителю лагерного начальства и о чем-то заговорила с ним. Другой офицер повел корреспондентов и закрепленных за ними бойцов ВУАП к алюминиевому каркасу барака без стен, где под маскировочной сеткой были сложены тюки.

– Пора подобрать вам латы, – сказал Лукас Фальку. – Какой у вас размер? Тридцать шестой?

– Сороковой, сорок второй, – ответил Фальк. Что ж, Лукас считает его совсем уж козявкой?

Лукас посмотрел на него:

– Начнем, пожалуй, с тридцать восьмого. Бронежилет должен плотно прилегать, иначе он бесполезен.

Военные принялись распаковывать бронжилеты, ремни и перевязи для оружия. Снаряжение такого же желтовато-серого цвета, как и у них, отличалось лишь белыми прямоугольниками с надписью огромными буквами «ПРЕССА», располагавшимися на груди и на спине. У Фалька возник вопрос: почему бы сразу, без затей, не написать: «ЦЕЛЬСЯ СЮДА»? Лукас помог ему разобраться с ремнями.

– В Маблхэде на самом деле стреляют или это для придания правдоподобности? – поинтересовался Фальк, затягивая поясные ремни.

– Могут стрелять, а могут и не стрелять, но вернуть на базу в Ласки наблюдателей от прессы с простреленной грудью только потому, что мы не настояли на надетых бронжилетах, было бы не очень хорошо.

– А такое уже бывало?

– Нет, мы не выпускаем за периметр без бронжилета.

– Вы гражданин ОО?

Лукас кивнул.

– И как давно вы прикреплены к АП?

– Два года уже из четырехлетнего срока. Здесь большинство – граждане ОО, хотя у Томпсон-Десять стоит огромная Китайская бригада.

– Интересно, а нас может сопровождать еще и кто-нибудь из граждан Блока?

Лукас усмехнулся:

– Не исключено.

– Но?

– Теоретически это возможно, но на практике применяются определенные негласные правила.

– То есть на Восемьдесят Шестом представители вооруженных сил Блока при АП не могут сопровождать журналистов?

– Я же сказал: правила негласные. Не я их придумал. И не мне о них говорить.

– Блок в оппозиции? – спросил Фальк.

Лукас забрал обратно перчатки, которые только что передал Фальку, и заменил их меньшими по размеру.

– Анतिकорпоративные военизированные силы оказывают вооруженное сопротивление в сфере территориальных интересов Объединенного Общества, – произнес Лукас. – Военное управление Администрации Поселения привлечено к урегулированию этого спорного вопроса.

– Звучит так, будто прочитали по бумажке.

– Разве такое запомнишь, когда сложившейся ситуацией никого не удивишь? – ответил Лукас и хлопнул Фальку по спине. – Порядок.

Фальк поводит плечами и покрутил руками:

– Отлично. Я же говорил. Сорок второй.

– Это тридцать шестой, – заметил Лукас.

В утренней жаре взревели вездеходы, готовые тронуться в путь, – в основном шестиколесные «фарго» с камуфляжными пятнами, но была и пара небольших смарткартов «олл-уейз», которым отводилась роль конвоя. Лукас подвел Фальку к переднему «фарго» и показал его место. Из-за правого плеча контрактника виднелся его МЗА, казалось, щеголявший тактической оптикой, на вид без необходимости сложной. Кожух, прикрывающий трубку излучателя, выглядел абсурдно-широким и напоминал обрезок черной пластиковой водосточной трубы.

Вскоре выяснилось, что Фальку отведено место прямо за майором Селтон, занявшей кресло командира и уже пристегнувшейся ремнем безопасности.

– Простейшие размышления наводят на мысль, что эти военизированные отряды – захватчики, – заговорил он.

– Это старая история, и Восемьдесят Шестое – не первое поселение, которое сталкивается с подобной проблемой, – ответила она. – И не последнее.

– И с чем это связано? Независимость? Выход из-под власти ОО? Местная этика?

– Целый список получился, – бросила она через плечо, что-то внимательно слушая через свой коммуникационный порт и посматривая на тактический монитор.

– Он может быть и длиннее, – заметил Фальк. – Из одного источника мне сообщили, что Резервный банк отказался от согласованной шкалы частичного субсидирования для поселенцев первого и второго поколений.

– Неправда.

– Также я слышал, что право на разработку полезных ископаемых было пересмотрено и срок сокращен до ста одного года.

– Да, есть такое, но едва ли это существенно. Шанс, что кто-то из владельцев участков потеряет после пересмотра свое право на добычу полезных ископаемых, очень мал. Пересмотр был затеян, в основном чтобы содействовать аудиторской проверке, которую в настоящее время проводит АП. Единственное обстоятельство, при котором владелец земельного участка может лишиться своего права на разработку, – это если рудная жила заходит на территорию, объявленную зоной стратегического значения.

– Еще я слышал... – начал он.

– Мистер Фальк, у вас длинный список? – улыбнувшись, перебила его Селтон. – Еще немного, и мне придется внести изменения в программу сегодняшнего дня.

Он перехватил ее взгляд:

– Смею предположить, что этот список можно продолжать и продолжать, пока специфическая природа этой спорной ситуации остается неопределенной. Предположения могут быть самые невероятные, особенно если учесть, что это первые полномасштабные военные действия в постглобальный период, с тех пор как началась колонизация других планет. За всем этим четко прослеживается «большая сделка».

– Вы, может, и видите здесь полномасштабные военные действия, – сказала Селтон, – но нам, в общем-то, не о чем беспокоиться. Небольшой вооруженный конфликт. И, на

мой взгляд, вы раздуваете из мухи слона. Мы удерживаем ситуацию в пределах допустимого. Через пару месяцев все закончится.

– Вы считаете, что об этом не стоит писать, а я думаю по-другому, или вы как раз считаете так именно потому, что пресса проявила интерес?

– Последний вариант, мистер Фальк. У вас что, разыгралось воображение?

У нее в наушниках раздался треск, Селтон подала знак водителю, и вездеход тронулся в путь. На неровной местности «фарго» тут же начал немилосердно трястись и крениться, словно все его огромные шины разом спустились.

– Всех очень интересует Центральный Блок, – произнес Фальк.

Селтон взглянула на него, но он не смог уловить как – нервно или жалостливо.

– Холодная война, Фальк, была холодной около трехсот лет назад. По мере того как мы продвигаемся вперед и расширяем свои границы, становится все горячее и горячее. Глубокий космос вытягивает из войны все тепло наружу. Мы были поблизости, когда она началась, расколов единый мир, и тем не менее она началась как холодная. На данный момент она, скорее, приближается к смертельной жаре.

– Поэтично. Можно я буду цитировать вас?

– Разумеется. Фальк, мы так далеки друг от друга. Буквально. ОО, Блок, китайцы... Всем хватает места, чтобы дышать и продолжать развитие. Никто больше не наступает другому на пятки. Никто не ведет себя как неуживчивый сосед. Нет причин для войны, холодной или какой-либо другой.

– Но согласитесь, – возразил Фальк, – если бы мы вдруг нашли причину, это был бы опасный конфликт.

– Очень опасный. – Селтон резко вздернула брови. – Но на Восемьдесят Шестом не та ситуация. Это местный

конфликт в рамках Поселения, конфликт с недовольными полувоенными отрядами.

– А откуда они берут оружие? – спросила девушка в зеленой ветровке.

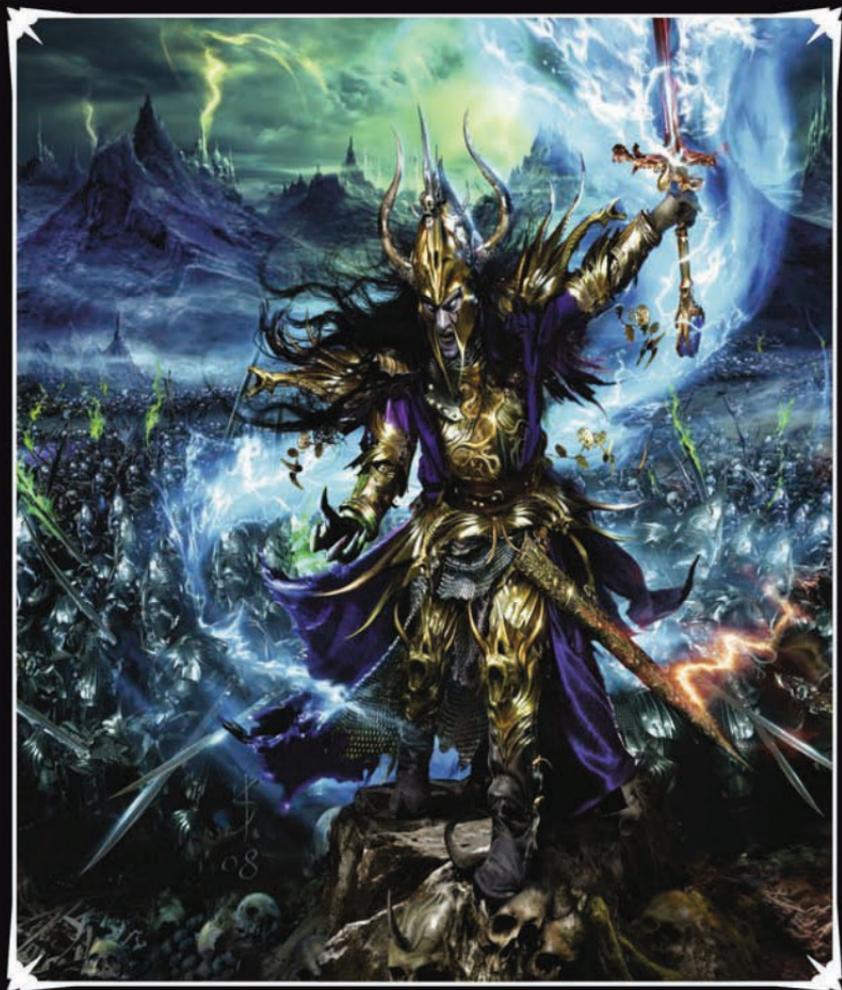
Ей выделили откидное место за Фальком. До этого Фальку и в голову не приходило, что она тоже слушает.

Селтон что-то ответила, затем повернулась, чтобы свериться с дисплеем, куда выводилась информация относительно окружающей местности.

– Что она сказала? – переспросила девушка сквозь грохот двигателей.

– По-моему, она сказала: «Это несущественно».

— TIME OF LEGENDS —

МАЛЕКИТ

История раскола

ГЭВ ТОРП

— ❖ ГЛАВА ПЕРВАЯ ❖ —

Нарушенное престолонаследование

Никто не подозревал, что спаситель эльфов станет и причиной их гибели. Лишь один предвидел грядущую тьму и смерть, и то был Каледор Укротитель Драконов. Когда Аэнарион-Защитник, гонитель демонов и первый из Королей-Фениксов, высвободил из черного алтаря Меч Каина, Каледору, величайшему из магов Ултуана, было видение.

Каледор увидел, как, прикоснувшись к темному мечу, выкованному для бога убийства, Аэнарион разбудил кровожадный дух, спавший глубоко в душах эльфов. Сильнее, чем в любом другом, в роду Аэнариона пробудилась жажда войны, и мирные времена Вечной королевы навсегда остались позади.

Аэнарион потянулся к мечу от отчаяния и гнева, и зов проклятого оружия терзал его до того дня, когда он перед смертью вернул клинок на алтарь Каина. То же отчаяние подвигло его жениться на провидице Морати, которую Король-Феникс спас из лап Хаоса.

Волшебница Морати жаждала покорить великую энергию, выпущенную в мир Хаосом. Некоторые считали ее занятия опасной ересью, по острову ходили слухи, что Морати приворожила Аэнариона. Многим

казалось, что она рвется к власти, но Аэнарион не слушал их предостережений.

Двор Аэнариона и Морати располагался в Анлеке, и в те смутные времена их дворец служил прибежищем воинам и магам. Самые сильные воины приходили учиться у Аэнариона, а наиболее одаренных из заклинателей Морати посвящала в известные ей секреты. Копьем и магией воители Анлека вырвали из хватки демонов княжество Нагарит — и в их руках сверкало страшное оружие, выкованное в кузне бога-кузнеца Ваула.

И вот родился Малекит, сын Аэнариона и Морати. По обычаю, в час рождения королевского наследника был выкован меч, и мальчик научился владеть им, как только рука окрепла достаточно, чтобы удержать грозный клинок.

Отец научил Малекита искусству правления и воинскому делу, а от матери ему достался дар подчинять своей воле самую непокорную магию.

От Короля-Феникса Малекит унаследовал не только мудрость, но также и жажду мести демонам, отобравшим первую жену и детей Аэнариона. Морати привила сыну волю к достижению цели, невзирая на цену, а также жажду славы и власти.

«Помни, что ты сын Аэнариона, — говорила она мальчику с младенчества. — Помни, что ты сын Морати. В тебе течет кровь достойнейших обитателей этого острова».

«Ты рожден воином, — говорил Аэнарион. — Меч и лук — продолжение твоей руки, и ты будешь управлять целыми армиями, как простые воины управляют обычным оружием».

День за днем повторяли они это сыну, день за днем с тех пор, когда он еще плохо понимал их слова, — и до самого смертного часа Аэнариона.

К великому горю Аэнариона, нападения демонов на остров не прекращались, и его победы на поле битвы оказывались бессмысленными. Тогда Каледор создал огромный портал, через который стала утекать прочь из этого мира сила Хаоса. Демоны исчезли, однако Каледор и его маги оказались пойманными порталом — их постигло проклятие вечно сражаться там с силами Хаоса. Аэнарион отдал свою жизнь, защищая Каледора и его помощников, и последним усилием воли возвратился на Оскверненный остров, где вернул Убийцу богов черному алтарю Каина.

После гибели Аэнариона правители эльфов, чьи воины и маги сражались бок о бок с ним, сошлись, чтобы решить судьбу Ултуана. В лесах Авелорна, где когда-то правила Вечная королева, через год после смерти Аэнариона состоялся Первый совет.

Правители встретились на поляне Вечности — великолепном природном амфитеатре, в центре которого высился храм Иши, богини Природы и покровительницы Вечной королевы. Меж серебристых стволов и покрытых изумрудно-зелеными листьями ветвей, на которых круглый год цвели цветы, Аэйн Ишайн светился таинственной силой. Первый совет заседал при свете луны и звезд, под сенью священного дерева.

Там была и Морати с Малекитом. Темноволосая, холодная и прекрасная провидица приехала в черном платье — тонком, словно облако, сквозь которое просвечивала ее мраморная кожа. Волосы цвета воронова крыла придерживали переплетенные серебряные нити, унизанные рубинами, а губы ее были подкрашены в тон сверкающим камням. Стройная, с благородной осанкой, она держала в руках посох из черной стали.

Малекит выглядел не менее впечатляюще. Он унаследовал высокий рост и темные глаза отца, а его золотистую кольчугу украшала нагрудная пластина со свернувшимся драконом. У пояса в отделанных золотом

ножнах висел длинный меч с навершием из драгоценного металла: золотая лапа дракона сжимала сапфир величиной с кулак.

С ними приехали и другие князья Нагарита, уцелевшие в сражении на острове Мертвых. На князьях были длинные, до лодыжек, темные плащи поверх сверкающих доспехов, а шрамы и трофеи свидетельствовали о храбрости, проявленной в схватках с демонами. Суровые князья севера были вооружены ножами, копьями, луками, мечами и щитами с выкованными на них рунами Ваула — свидетельствами мощи Нагарита и Анлека. За их спинами стояли знаменосцы с черно-серебряными флагами, а герольды встретили их прибытие пением труб и завыванием вольноков. Правителей Нагарита сопровождал кабал колдунов в черных и фиолетовых робах, с покрытыми татуировками и ритуальными шрамами лицами и обритыми головами.

Были и другие — правители княжеств, основанных Каледором на юге, а также жители новооткрытых земель на западе: Котика, Эатана, Ивресса и других. Их возглавляли юный маг Тириол и золотоволосый Менил, сын Каледора Укротителя Драконов.

По сравнению с нагаритянами, южные эльфы выглядели как день по сравнению с ночью. Хотя все они участвовали в войне с демонами, их князья оставили боевое снаряжение дома и при них были только посохи и скипетры, а вместо тяжелых шлемов их головы украшали золотые короны. Их одежды были белого цвета, в знак скорби по погибшим. Нагаритяне же не стали следовать этому обычаю, хотя и потеряли в войне больше других.

— Аэнарион погиб, — обратилась Морати к совету. — Убийца богов, Сеятель вдов вернулся на алтарь Каина, чтобы избавить нас от войны. Мой сын желает править в мирные времена, но боюсь, что они остались только в наших воспоминаниях, а когда-нибудь

мы вообще сочтем их легендой. Не стоит думать, что зло можно победить малой кровью. Хотя мы изгнали демонов, силы Хаоса не покинули наш мир окончательно. Я заглянула далеко в будущее и увидела перемены, которые принесет нам падение богов.

— В войне я не последовал бы ни за каким другим королем, — заявил Менит, выходя в центр круга правителей. Но война окончена. Нагарит явил самую грозную боевую силу этого острова. Цивилизация одолела Хаос на Ултуане, и нам следует принести ее в другие страны — пусть эльфы правят там, где пали боги.

— Подобное высокомерие привело бы нас к краху, — возразила Морати. — Положим, далеко на севере лежат выжженные пустоши, где обитают извращенные темной магией существа. Невежественные дикари возводят алтари из черепов и поклоняются новым богам, принося им в жертву кровь соплеменников. И если мы принесем наш свет в те земли, вскоре он засияет на остриях копий и стрел.

— Тяготы и кровопролития — неизбежная плата за выживание, — возразил Менит. — Но мы должны одолеть охватившую нас страсть к кровопролитию и искать мирный путь построения нового мира. Из посеянных во время правления Аэнариона семян ненависти и насилия должны взойти любовь и дружба. Нам не следует забывать о его наследии, но нельзя позволять его ярости поселиться в наших сердцах.

— Мой сын — наследник Аэнариона, — тихо произнесла Морати. В ее мягком голосе прозвучала угроза. — И все мы стоим здесь только потому, что мой покойный муж сумел спасти нас от уничтожения.

— Но не в меньшей мере победе способствовала жертва моего отца, — возразил Менит. — Целый год со времени гибели Аэнариона и Каледора мы размышляли, какой путь избрать. Нагариту следует занять

достойное место среди других княжеств. Достойное, но не выше остальных.

— Величие заслуживается деяниями, а не определяется людьми! — Морати встала напротив Мени-та. Она воткнула свой посох в землю возле его ног и вызывающе взглянула на князя. Пальцы колдуньи стиснули железную рукоять.

— Не следует нам ссориться после того, как мы победили демонов и пожертвовали столь многим ради этой победы, — поспешил вмешаться Тириол. Его бело-желтая роба переливалась золотыми нитями. Юный маг положил руки на плечи Морати и Мени-та. — Нам надлежит умерить жар страстей прохладой разума, как только что выкованный клинок остужают в холодной воде.

— Так кто же здесь считает себя достойным надеть корону Короля-Феникса? — спросила Морати, презрительно оглядывая князей. — Кто считает, что станет лучшим преемником Аэнариона, чем мой сын?

На поляне воцарилась тишина; никто, кроме Мени-та, не осмеливался встретиться с Морати взглядом. И тут из тени деревьев раздался голос:

— Я выбран!

На поляну вышел Бел Шанаар, князь Тиранока. За ним шагало странное существо, похожее на дерево, которое внезапно обрело способность передвигаться. Его звали Сердцедуб. Энт Авелорна, он охранял Вечную королеву и присматривал за храмами родины эльфов.

— Так кем же ты выбран? — презрительно спросила Морати.

— Князьями и Вечной королевой, — спокойно ответил Бел Шанаар.

Он остановился возле священного дерева Иши.

— Астариэль мертва, — ответила Морати. — Правление Вечной королевы закончилось.

— Вечная королева жива, — пронесся над поляной призрачный женский голос.

— Астариэль погибла от рук демонов, — настаивала Морати. Прищурив глаза, она окинула взглядом поляну, чтобы понять, откуда доносится этот голос.

Листья на деревьях задрожали, будто в кронах зашептал ветер, хотя не чувствовалось ни малейшего дуновения. Высокая трава под ногами заколыхалась под тем же невидимым ветерком — все травинки склонились к Аэйн Ишайн в центре поляны. Сияние священного дерева усилилось, заливая всех золотистым светом с искорками небесной голубизны и изумрудной зелени.

В переливающемся сиянии рядом с узловатым стволом дерева возник силуэт юной эльфийки. Морати ахнула — ей показалось, что Астариэль действительно жива.

Заплетенные в длинные косы золотистые волосы эльфийки доставали до талии; их украшали цветочные бутоны. Девушка была облачена в зеленую мантию Вечной королевы, а на лице светились голубые глаза цвета ясного летнего неба. Но когда сияние потускнело, Морати лучше рассмотрела лицо девушки и убедилась, что это вовсе не Астариэль. Она имела известное сходство с покойной королевой, но чем больше Морати разглядывала ее, тем больше успокаивалась.

— Ты не Астариэль, — уверенно произнесла она. — Ты самозванка!

— Ты права, я не Астариэль, — ответила эльфийка. Ее мягкий голос долетал до самых отдаленных уголков поляны. — Но я не самозванка. Я Иврейн, дочь Аэнариона и Астариэли.

— Обман! — закричала Морати, поворачиваясь к князьям с выражением такой злобы на лице, что многие даже отшатнулись. — Иврейн тоже мертва! Это

заговор, чтобы лишить моего сына законного наследства!

— Это Иврейн, — произнес Сердцедуб мелодичным голосом, похожим на шелест легкого ветерка в листве. — Астариэль приказала нам спасти ее детей. Я отнес их в долину Гаен, где не ступала нога эльфа. Там я и мои сородичи сражались с демонами, и я охранял Иврейн и Морелиона многие годы.

В толпе нагаритян раздались изумленные возгласы, но они не заглушили слова Малекита.

— Так мой сводный брат тоже жив? — выкрикнул князь. — Старший сын Аэнариона жив?

— Успокойся, Малекит, — произнес Тириол. — Морелион сел на корабль и уплыл с Ултуана. Он не стремится править Нагаритом. На нем лежит благословение Иши, а не Каина, и он не ищет власти и славы.

— Вы скрыли это от Аэнариона, — не веря своим ушам, произнесла Морати. — Вы позволили ему считать, что его дети мертвы, и вырастили их вдали от отца? Вы спрятали их...

— Я любимица Иши. — Строгий тон Иврейн заставил Морати замолчать. — Во мне возродился дух Вечной королевы. Анлек превратился в город крови и ярости. Он никогда не станет моим домом. Я не смогу жить под благословением Каина.

— Теперь я все понимаю, — произнесла Морати, подходя к Вечной королеве. — Вы совещались втайне, оставив нагаритян в стороне. Вы решили сами стать наследниками Аэнариона и получить власть над Ултуаном.

— Мы посылали в Анлек гонцов, но вы даже не хотели их принять, — ответил Тириол. — Мы пытались посвятить вас в происходящее, но вы отказывались от переговоров. Мы дали вам возможность заявить о правах вашего сына, но вы решили идти своим путем.

— Я вдова Аэнариона и, значит, королева Ултуана, — прорычала Морати. — Когда за нами охотились демоны, разве Аэнарион и его полководцы просили советов у рядовых воинов? Когда Каледор собрался читать заклинание, разве он обсуждал последствия этого с несведущими в волшебстве? Править — это значит одному решать за всех.

— Ты больше не королева, Морати, — произнесла Иврейн. Она неслышно пересекла поляну — ее ноги касались травы тихо, как падающие снежинки. — Вечная королева вернулась. И я буду править с Бел Шанааром, как Аэнарион правил с моей матерью.

— Ты выйдешь замуж за Бел Шанаара? — спросила Морати, поворачиваясь к Иврейн.

— Как Аэнарион женился на моей матери, так и Вечная королева выйдет замуж за Короля-Феникса, и так будет во веки веков, — провозгласила Иврейн. — Я не могу выйти замуж за Малекита, каковы бы ни были его личные качества и права на трон, поскольку он мой сводный брат.

— Узурпаторы! — взвизгнула Морати и подняла посох.

Малекит подскочил к разъярившейся матери и вырвал у нее оружие.

— Довольно! — закричал князь Нагарита.

Затем Малекит успокаивающе погладил мать по щеке и вернул ей посох. Бросив на Иврейн и Бел Шанаара ненавидящий взгляд, Морати повернулась к ним спиной.

— Я не хочу самовольно занять трон Ултуана, — сказал Малекит князьям. — Да, я хотел бы стать Королем-Фениксом, чтобы почтить память отца и продолжить его дело. Но я не требую признать за мной это право и полагаюсь на решение собравшихся здесь. Если совет решит, что Бел Шанаар должен жениться на моей сводной сестре и стать королем, я не буду

против. Я только прошу вас спокойно все обдумать, не поддаваясь голосу страсти.

Выслушав такую рассудительную речь, князя закивали.

Они совещались до рассвета, пока солнце не коснулось красными пальцами крон деревьев, а над землей не заколыхались утренние туманы. Одних тронула искренность Малекита. Они верили, что хотя он и был сыном своего отца, но не держал в руках Убийцу богов, и темная натура меча не затронула его. Другие напоминали совету о предсказании Каледора, что на потомках Аэнариона лежит печать Каина и дитя Анлека никогда не освободится от этого проклятия.

— Мы приняли решение, — наконец объявил Тириол. — Хотя Малекит и достойный князь, он пока слишком молод, ему надо еще многое узнать о мире. К тому же сейчас настало время мудрости, а не железной воли, и поэтому мы считаем Бела Шанаара более подходящим королем.

Морати вскрикнула было, но Малекит жестом заставил ее замолчать.

— Один эльф не должен решать судьбу Ултуана, поэтому я подчиняюсь решению совета, — провозгласил Малекит. Он пересек поляну и, к всеобщему изумлению, преклонил колено перед Белом Шанааром. — Пусть Бел Шанаар унаследует трон моего отца и с его мудростью настанет новая эра для нашего народа. Да ниспошлют боги новому королю силы, чтобы править справедливо, а если его воля поколеблется или решимость развеется, Нагарит всегда наготове.

Малекит повел себя весьма достойно, однако решение совета сильно огорчило его. Вместе с матерью они вернулись в Нагарит и не появились на ритуальном бракосочетании Бел Шанаара и Иврейн. И все же Малекит приехал на остров Пламени, чтобы присут-

ствовать при прохождении Бел Шанаара через священный огонь Азуриана.

Храм представлял собой высокую пирамиду, воздвигнутую над горящим огнем повелителя богов. Пламя танцевало и мерцало в сердце святилища; оно поднималось на высоту в три эльфийских роста и горело тихо и без жара. Мраморные плиты пола вокруг огня украшали выложенные золотом руны, и сияли они не только отсветом пламени. На белоснежных стенах висели выкованные в виде фениксов с расправленными крыльями светильники, и в них тоже горел магический огонь, наполняя храм золотистыми переливами света.

В храме собралась вся знать Ултуана, в плащах и парадных мантиях, высоких шлемах и коронах из золота и серебра, украшенных драгоценными камнями всевозможных цветов. Среди этого пиршества красок нагаритяне выделялись скромными черными и фиолетовыми робами. Морати стояла рядом с Малекитом и с недоверием наблюдала за церемонией.

Там же присутствовали и семеро астромансеров — именно они выбрали этот день для коронации нового Феникса. На их темно-синих мантиях сияли вышитые бриллиантами звезды, а блестящие серебряные и платиновые нити соединяли их в созвездия.

Астрологи стояли рядом с читающими над Бел Шанааром молитвы жрецами Азуриана — молитвы должны были помочь будущему королю пройти через огонь невредимым. За жрецами сидели оракулы Азуриана: три эльфийские девственницы с бледной кожей и светлыми волосами, одетые в переливающиеся в сверкающих отсветах серебристые накидки.

Из Авелорна приехала Иврейн с женской свитой, чтобы наблюдать за коронацией своего супруга. Женщины-воины носили юбки из серебристой чешуи, отделанные по краю зеленой тесьмой, а вместо привычных

копий и луков держали сейчас цветочные гирлянды, ибо через порог храма Азуриана никому не разрешено переступить с оружием в руках.

Перед огнем, рядом с верховным жрецом, стоял Бел Шанаар. С его плеч ниспадал плащ из черных и белых перьев — символ верховной власти у эльфов.

— По примеру Аэнариона-Защитника я отдаю себя в руки высшей власти, — торжественно провозгласил Бел Шанаар. — Пусть ритуал докажет мою чистоту, чтобы я мог взойти на трон Короля-Феникса и править мудро и справедливо, во имя повелителя богов.

— Твой отец не нуждался в защитных заклинаниях, — проворчала Морати. — Это представление, не имеющее никакой законной силы, как и позорная свадьба с Иврейн.

Малекит не слушал ее слов, все его внимание и мысли занимала предстоящая церемония.

Жрецы зажигали фимиам и совершали приношения Азуриану, оракулы монотонно пели. Однако, едва лишь Бел Шанаара подвели к пламени, звуки пения вознеслись под самую крышу храма. Будущий Король-Феникс обернулся и посмотрел на князей, причем на его лице не отражалось ни страха, ни радости.

С почтительным кивком Бел Шанаар медленно поднялся по невысоким ступеням, ведущим к алтарю, на котором горел очистительный огонь. Среди присутствующих разом воцарилась выжидательная тишина, а Бел Шанаар ступил в пламя. Огонь взметнулся слепящей белой стеной, и собравшимся пришлось отвернуться, чтобы сохранить зрение.

Когда глаза немного привыкли к яркому свету, князья разглядели в огне силуэт Бел Шанаара — с воздетыми руками он приносил клятву верности Азуриану. Затем Король-Феникс медленно повернулся и вышел из огня невредимым. По храму пронеслись вздохи облегчения — князья выражали радость, что ритуал про-

шел удачно. Нагаритяне молчали. Вскоре свита удалилась, остался лишь Малекит. Он долго стоял и смотрел на пламя, размышляя о собственной судьбе. После яркой вспышки во время ритуала отсветы священного огня казались блеклыми. Малекиту подумалось, что это Бел Шанаар осквернил пламя.

Не замечая ничего вокруг, Малекит медленно подошел к алтарю. В голове у него вертелись противоречивые мысли. А что, если он сам попробует пройти испытание пламенем? Если он выживет без защитных заклинаний жрецов, то можно с уверенностью сказать, что Азуриан желает видеть его преемником отца. Но вдруг он недостаточно силен? Что, если пылающий огонь поглотит его? Что тогда останется от его надежд и мечтаний о будущем Нагарита?

Плохо понимая, что делает, Малекит остановился перед огнем. Изменчивые узоры пламени зачаровали его. Князя охватила непреодолимая тяга, и он едва не положил руку в огонь, но тут раздались шаги возвращающихся в храм жрецов. Малекит отдернул руку и устремился к выходу, не обращая внимания на их вопрошающие взгляды.

Предстоял долгий многодневный пир, но Малекит уехал сразу же по окончании церемонии. Ему не хотелось задерживаться там, где его отец отдался на милость великого бога и стал спасителем своего народа. Если Бел Шанаар пожелал стать Королем-Фениксом, что ж, Малекит подчинился его воле. Успокоенный, он возвратился в Анлек.

— ❖ ГЛАВА ВТОРАЯ ❖ —

Путешествие в Элтин Арван

С упорством и изобретательностью принялся Малекит за восстановление Нагарита, в то время как другие князья занимались своими владениями. Города Ултуана поднимались из пепла, а леса отступали перед топором дровосека и плугом крестьянина.

Охотники меж тем находили в горах странных зверей, извращенных темной магией: многоголовых гидр, загадочных химер, визгливых грифонов и прочие создания Хаоса. Одних эльфы убивали, других отлавливали и приручали. Птицы также изменились, и эльфы подружились с огромными орлами, которые парили в теплых потоках воздуха и умели говорить.

Строились корабли, и большие эльфийские флотилии уходили исследовать новые земли за морями. Тиранок, королевство Бел Шанаара, получало от колоний огромные доходы.

Малекит тоже решил повести своих нагаритян в поход для исследований и завоеваний. Он чувствовал, что рожден для чего-то более значительного, чем постройка крепостных стен и сбор налогов.

На двести пятьдесят пятом году правления Бела Шанаара Малекит собрал флотилию, чтобы отпра-

виться на восток, в Элтин Арван. Правительницей Нагарита оставалась Морати.

Под весенним небом они простились на причале порта Галтир. Морати куталась от холода в шаль из черной медвежьей шерсти, на Малеките блестела золотистая броня. За спиной князя, в гавани, покачивался его корабль, белые паруса упруго хлопали на ветру, высокая корма сверкала на утреннем солнце. Дальше, в открытом море, дюжина военных кораблей Нагарита переваливалась на пенистых гребнях волн, а на верхней палубе каждого стояло по пять сотен рыцарей и солдат. Только такая свита и пристала сыну Аэнариона.

— Ты обрешь славу в этом походе, — с любовью произнесла Морати. — Я видела это во сне, и сердце подсказывает мне то же самое. Ты станешь героем.

— Мне нечего кому-либо доказывать, — ответил Малекит.

— Нечего, — согласилась Морати, — ни мне, ни твоим верным слугам. Но когда ты вернешься и другие князья разглядят твое подлинное величие, ты станешь Королем-Фениксом.

— Даже если они не оценят меня, Бел Шанаар не бессмертен, — произнес Малекит. — Я переживу его, и настанет время, когда князьям придется выбирать нового короля. Тогда корона Ултуана вернется к ее законному хозяину, и я сделаю все, чтобы быть достойным памяти отца.

— Хорошо, что ты уезжаешь, потому что я не могу больше смотреть, как мой сын чахнет здесь, как спрятанная от солнца роза. Но однажды твое имя будет на устах у каждого эльфа. Так говорят звезды, и это твоя судьба. Недаром Морай-хег подарила мне мудрость, чтобы видеть будущее.

Морати на миг отвернулась и обратила взгляд на север. Малекит открыл было рот, но мать подняла

руку, и он промолчал. Затем Морати поглядела на сына так, как, наверное, львица оглядывала бы стоявшего перед ней ягненка.

— Тебя ждут великие дела, сын мой, и слава под стать отцовской. — Морати начала тихо, но с каждым словом голос ее повышался. — Пусть Бел Шанаар сидит на своем троне и богатеет от трудов своего народа! Как ты верно сказал, он не бессмертен. Не обращай внимания на других — иди вперед и поступай так, как считаешь нужным. Поступай как князь Нагарита и вождь эльфов!

Корабли эльфов были остойчивы и быстры, и флотилия Малекита пересекла Великий океан без происшествий всего за сорок дней. Радостное возбуждение переполняло эльфов, когда они смотрели на восток и гадали, что их там ждет.

Малекит кипел энергией и то вышагивал по палубе своего корабля, то запирался в каюте и рассматривал карты, составленные мореходами-первопроходцами.

Порой он перебирался с корабля на корабль, чтобы провести время с другими принявшими участие в походе князьями и рыцарями. Путешественники пиروвали пойманной рыбой и поднимали бокалы с ултуанским вином за своего князя. Настроение у всех было праздничное, будто поход сам по себе уже стал победой. Порой им встречались корабли, которые направлялись на запад с грузом ценной древесины и руды из новых земель. Каждая встреча с капитанами этих кораблей и приносимые ими новости подстегивали энтузиазм путешественников.

Восточные земли, в сущности, все еще оставались непокоренными. Там, среди величественных гор и темных лесов, лежали богатства и ждали, пока кто-то наберется смелости взять их.

Малекит поклялся своим спутникам, что они создадут там новое королевство, достойное памяти Аэнариона, империю, которая превзойдет Ултуан по величине и богатству. Эти слова воодушевляли их, поскольку каждый князь хотел видеть себя королем, а каждый рыцарь рисовал себе картины княжеской жизни. А при таком вожде, как Малекит, решительно все казалось возможным.

Малекит, в свою очередь, говорил чистую правду и смотрел на дикие земли Элтин Арвана как на место, где призрак отца прекратит его преследовать и он перестанет ощущать себя орудием, воплощающим амбициозные планы матери.

С восходом сорок первого дня моряки заметили землю: пляжи белого и черного песка тянулись на многие мили. Но не это было причиной оживления — штурманы и без того знали, что сегодня их ожидает высадка, — а огромный столб дыма над северным горизонтом. Малекит приказал капитанам немедленно повернуть на север, и флотилия без усилий заскользила по прибрежным волнам.

Вскоре после полудня они подошли к порту Атель Торалиен, первой в этих землях эльфийской колонии. Из моря деревьев в небо вздымались величественные белые башни, а высокий волнорез выступал далеко в океан. Как и опасался Малекит, в городе бушевал пожар. В гавани, на берегах которой раскинулся Атель Торалиен, эльфы не обнаружили ни одного корабля. Малекит предположил, что местные жители бежали из-за случившейся катастрофы и оставили Атель Торалиен пустым. Но он ошибся: когда корабли вошли в залив, из корабельных вороньих гнезд раздались громкие крики. На стенах города шло ожесточенное сражение!

Стоило кораблю Малекита поравняться с узким пирсом, как князь, не дожидаясь спуска трапа, соскочил

на выбеленные морской солью и солнцем доски. За ним поспешили его воины. Малекит ринулся по пирсу к высоким складам на краю порта. Оттуда высыпало несколько эльфов. Главным образом это были неухоженные, перепуганные женщины. За платья матерей цеплялись дети с выпученными от страха глазами — они держались так крепко, словно боялись выпустить из рук саму жизнь.

— Слава Азуриану! — кричали женщины и со слезами обнимали Малекита и его воинов.

— Что тут у вас случилось? — перекрикнул возгласы и рыдания князь.

— Орки! Они осаждают город!

— Кто у вас командир?

— Никто, мой господин, — ответили ему. — Князь Анерон уплыл восемь дней назад, и с ним многие из его воинов. Но на кораблях не хватило места для всех. Капитан Лорхир защищает город, но у орков мощные боевые машины, и они уже много дней закидывают город горящими камнями.

Малекит приказал свести с кораблей лошадей. Пока рыцари строились, он самолично повел два отряда копейщиков и лучших стрелков к городской стене. Когда они пробежали по городу, князь заметил, что разрушения не так обширны, как ему показалось. Боевые машины орков не отличались точностью стрельбы. Когда Малекит подбежал к ведущей на стену лестнице, над его головой пролетел обмазанный горячей смолой камень и врезался в башню. Огненные обломки посыпались в разные стороны. Перепрыгивая через три ступеньки, Малекит поднялся на гребень возвышавшейся на тридцать футов стены. Оборонительная стена Атель Торалиена загибалась полукругом длиной около мили. За ней, насколько видел глаз, тянулся огромный лес — его пересекали прямые лучи дорог, расходившиеся из трех городских ворот.

Всюду возле стены лежали тела эльфов и уродливых зеленокожих созданий с торчащими изо рта клыками и каменными мышцами. Сейчас орки атаковали воротную башню в двух сотнях ярдах от той, где стоял князь. Кучка эльфов, некоторые в доспехах, другие в робах, отбивалась от толпы дико вопящих орков.

И все больше орков карабкалось на стену по четырем грубо сколоченным приставным лестницам.

— Выстроиться для атаки! — прокричал Малекит и вытащил из ножен свой меч Авануир.

Копейщики моментально построились в ровные шеренги по шесть воинов в ряд; края щитов переднего ряда перекрывали друг друга, а перед ними торчала стена из направленных вперед копий. Малекит жестом приказал им наступать, и копейщики двинулись уверенным, ровным шагом.

— Очистить лестницы! — приказал князь лучникам и бегом бросился занимать место во главе наступающей колонны.

Лучники перешли к краю стены, некоторые заняли места у бойниц и дали первый залп по карабкающимся дикарям. Эльфы всегда отличались исключительной меткостью, так что дюжины зеленокожих созданий кувырком полетели на землю с торчащими из глаз и шей стрелами.

Тем не менее оркам удалось закрепиться на стене, и все больше нападающих с грубыми топорами и дубинами переваливало через край, подбадривая себя боевыми криками. Нагаритяне шагали вперед, от лавины орков отделялись группки и бежали им навстречу.

Когда первый орк добежал до одетых в черных доспехи эльфов, Малекит одним ударом разрубил его от плеч до паха. Следующего он убил прямым выпадом в грудь, а еще одного возвратным замахом меча, выпустив его кишки на камни.

Малекит продолжал двигаться вперед, и с каждым его шагом падал очередной орк. Копейщики за его спиной убивали тех, кто ускользнул от внимания князя. Нагаритяне переступали через тела дикарей и, не сбавляя скорости, направлялись к плотной толпе зеленокожих рядом с осадными лестницами. Эльфы Атель Торалиена, воодушевленные их примером, ринулись в бой с удвоенной отвагой, не позволяя оркам продвинуться дальше.

Авануир пронзал щиты, доспехи, кости и плоть, и за князем тянулась полоса мертвых тел, отмечая его путь.

Малекит подал копейщикам сигнал заняться другими лестницами, а сам взбежал на стену и тут же встретил пинком появившуюся над краем парапета морду орка. Тот отшатнулся, но не упал. Авануир описал дугу и снес голову орка с плеч — безжизненное тело покатилося вниз по лестнице, сшибая своих былых сотоварищей.

Малекит пронзил еще одного дикаря и поднял левую руку. Вокруг сжатого кулака возник светящийся ореол. Князь с рыком выкрикнул заклинание и протянул руку в сторону орков. Ветвистые синие и фиолетовые молнии прыснули из растопыренных пальцев. Черепа ближайших орков раскалывались, плоть вспыхивала огнем, а доспехи плавилась. Вспышка молнии извивалась по лестнице, перепрыгивая от орка к орку и сбрасывая их на землю. С громким треском лестница взорвалась осколками дерева — острые щепки посыпались в стоящих внизу орков.

Копейщики опрокинули еще две лестницы, а когда Малекит отвернулся от стены, четвертая, и последняя, рухнула, и лезшие по ней орки посыпались на землю. Лучники расстреливали теперь скопившихся возле опрокинутых лестниц дикарей — они прон-

зали стрелами всех, кто пытался поднять осадные лестницы, до тех пор, пока орки не отчаялись и не отступили.

От группы защитников города отделился эльф в окровавленной кольчуге и помятом шлеме. Он медленно подошел к нагаритянам, с гримасой стянул шлем, под которым оказались слипшиеся от крови светлые волосы, и устало уронил его на камни.

При его приближении Малекит нагнулся, оторвал лоскут от одежды мертвого орка и принялся очищать свой клинок. Князь взглянул на подошедшего эльфа, вопросительно изогнув бровь.

— Капитан Лорхир? — спросил он и убрал меч в ножны.

Эльф кивнул и протянул в приветствии руку. Малекит не обратил внимания на его жест, и эльф тут же ее опустил. На мгновение на лице Лорхира отразилась растерянность, но он быстро пришел в себя.

— Благодарю, ваше высочество, — выдохнул Лорхир. — Слава Азуриану, что он привел вас сегодня к нам. Утром я боялся, что мы встречаем последний рассвет в своей жизни.

— До спасения еще далеко, — ответил Малекит. — На кораблях место только для моих солдат, больше туда никто не поместится. И не думаю, что отсюда можно сбежать по суше.

Малекит указал на землю внизу, где вдоль дороги и под деревьями кипело зеленое море орков. Полдюжины огромных катапульта стояли в наспех прорубленных в лесу просеках, рядом с ними горели костры. Вокруг качались и падали на землю деревья — это орки собирались строить новые лестницы.

— С вашей помощью мы сможем удержать город до возвращения князя, — сказал Лорхир.

— Не думаю, что ваш князь скоро вернется, — возразил Малекит. Остальные защитники Торалиена сгрудились рядом и ловили каждое его слово. — Да и зачем мне и моим солдатам проливать кровь за этот город?

— Даже если боги будут милостивы к нам, мы не сможем выстоять против этой орды и дня. Вы должны спасти нас!

— Должен? — зло прошипел Малекит. — В Нагарите капитаны не говорят князьям, что те что-то должны им.

— Простите меня, ваше высочество, — взмолился Лорхир. — Мы в отчаянии, и некому нас спасти. Мы посылали гонцов в Тор Алесси, в Атель Марайю и другие города, но они не вернулись. Либо гонцы погибли, либо наш зов о помощи дошел до безучастных ушей. Я не могу удержать город один!

— А я не могу жертвовать жизнями своих людей, защищая земли князя, который не захотел защитить их сам, — резко ответил Малекит.

— Разве мы не такие же эльфы, как вы? — спросил другой горожанин, пожилой эльф. Он держал в руке меч с выщербленным от долгого использования лезвием. — Неужели вы готовы бросить нас на произвол судьбы?

— Если бы это был мой город, я бы защищал его до последнего вдоха, — ненадолго смягчился Малекит. Но его лицо тут же посуровело. — Но Атель Торалиен не мой город. Мы приплыли сюда не затем, чтобы проливать кровь за князя, который сбегает при первых признаках опасности. Поклянитесь в верности мне, примите покровительство Нагарита, и я буду защищать этот город.

— А как же наша присяга князю Анерону? — спросил Лорхир. — Я не буду предателем.

— Анерон из Эатана сам не сдержал слово, — твердо заявил Малекит. — Да, я знаю его. Он пользуется трудами своего отца и не защищает своих людей. Он не достоин клятв верности. Служите мне, примкните к нагаритянам, и я спасу ваш город. Отсюда мы и начнем завоевание этих диких земель.

Эльфы собрались на совещание; порой они бросали печальные взгляды то на расположившуюся внизу зеленокожую армию, то на сурового князя.

— Возьмите нас на ваши корабли, и мы принесем клятву верности Анлеку, — наконец заявил Лорхир. — Что смогут несколько сотен сделать против орды чудовищ?

— Ваши глаза, наверное, очень устали, — сказал Малекит и махнул рукой в сторону порта. — Взгляните еще раз.

При виде сошедших на берег нагаритян эльфы открыли от восхищения рты. По пирсу тянулись длинные черно-серебряные колонны с развевающимися знаменами. Во главе войска ехали на черных боевых конях рыцари. Ряд за рядом на набережной выстраивались копейщики — они двигались с уверенностью и точностью, рожденными в долгих, длинной в жизнь, тренировках и сражениях.

— Тысяча рыцарей, четыре тысячи копий и тысяча луков ждут моей команды, — провозгласил Малекит.

— Врагов слишком много даже для вашего войска, — заспорил Лорхир. — Князь Анерон располагал десятью тысячами копейщиков и не смог удержать стены.

— Его воины не нагаритяне. Каждый солдат моей армии стоит пятерых эатанцев. И возглавляю их я. Я сын Аэнариона, и за взмахом моего меча следует смерть. Поклянитесь в верности мне — и я спасу ваш

город. Я князь Нагарита, и, если я прикажу, ваш город выстоит!

И таким величием дышали слова Малекита, что Лорхир и его воины упали на колени и произнесли слова верности новому князю.

— Так тому и быть, — сказал Малекит. — К ночи орки умрут.

— ❖ ГЛАВА ТРЕТЬЯ ❖ —

Резня в Атель Торалиене

Вскоре отряды лучников заняли стену, и после нескольких беспорядочных атак орки усвоили, что приблизиться к стене на сотню шагов означает верную смерть. Зеленокожие пытались нацелить свои катапульты, но только один удачный выстрел снес часть парашета — остальные снаряды или не долетали до стены, или попадали в залив.

Малекит разбил копейщиков на отряды, выставил их у западных ворот и приказал капитанам наступать. Под звуки горнов ворота распахнулись, и армия Нагарита вышла за пределы крепости. Наконечники копий сияли в отблесках орочьих костров. Перед войском двигалась стена из черных щитов, и ни одна из пущенных наудачу орочьих стрел не могла ее преодолеть.

Авангард остановился в пятидесяти шагах от ворот, а орки начали собираться в беспорядочные толпы вокруг своих потрепанных знамен. Их вожаки орали, толкали и пинали остальных, чтобы добиться хоть какого-то подобия порядка. Основная часть эльфийской колонны разделилась надвое и выстроилась по бокам авангарда, отчего получилась непрерывная стена копий. Один фланг защищала крепостная стена, второй — море.

Половина лучников быстро сбежала со стены и заняла позиции позади пехоты. Малекит наблюдал за передислокацией из сторожки над воротами, куда поднялись также Лорхир и несколько видных горожан.

— У нас тоже есть отряд воинов, и я не хочу, чтобы потом говорили, будто мы не сражались за будущее нашего города, — произнес Лорхир.

— Я не сомневаюсь в вашей доблести, — ответил Малекит. — Но лучше наблюдайте, и вы увидите, почему ни один эльф не сравнится с нагаритянином, пока не проведет сотню лет в боевых учениях на полях Анлека.

Князь дал сигнал стоявшему рядом горнисту, и герольд трижды протрубил.

С безупречной точностью нагаритяне, стоявшие справа, самые ближние к стене, повернулись и двинулись на север. Копейщики перестроились так, чтобы дать возможность выйти вперед лучникам. Капитаны скомандовали, и лучники произвели первый залп. Стрелы темным облаком взлетели высоко в небо и затем ударили по оркам, выкосив сотни врагов.

Как только первая стрела вонзилась в цель, последовал еще один залп, и так повторилось восемь раз — движущиеся потоком стрелы протыкали доспехи и зеленую плоть; после этого в лесу и на дороге остались груды орочьих трупов.

Многие орки бросились бежать от неминуемой смерти, но самые крупные и злобные с криками ринулись в атаку. По мере их приближения к ним присоединялись и те, кто повернул назад.

Малекит дал еще один сигнал горнисту, и тот выдул из трубы долгий, переливчатый, постепенно понижающийся звук. Между противниками оставалось уже не более пятидесяти шагов, но одетых в легкие доспехи лучников приближение врагов совершенно не

беспокоило. Их линия разделилась, каждый второй лучник отступил на шаг вправо. Через образовавшиеся проходы мгновенно выдвинулись копейщики и за мгновение до удара первой волны орков сомкнули свои ряды.

Даже стоявшие на стене слышали треск, с которым орки навалились на нагаритян: копыя протыкали зеленые шкуры, тяжелые клинки прорубали щиты. То тут, то там под яростным натиском падали эльфы, но их места тут же занимали товарищи, не оставляя брешей в стене из щитов. По всей линии эльфийские копыя выбрасывались вперед в едином ритме, оставляя на земле сотни трупов.

Тем не менее численное превосходство противника сказалось, и эльфы постепенно начали отступать, спокойно и уверенно отходя к крепостной стене. Схватка то затихала, то возобновлялась с новой силой. И только тогда Лорхир осознал, что происходит.

— Вы подманиваете их к стене, — восхищенно произнес он.

— Да, а теперь смотрите, как мощна армия Нагарита, — ответил Малекит.

Два коротких звука трубы, один пронзительно долгий — и оставшиеся на стене лучники двинулись к бойницам. Оттуда они начали обстрел орков. Стрелы пролетали на ладонь выше сражавшихся эльфов: лучники брали прицел с такой точностью, что не попадали в своих.

Орки у катапульт сумели навести их на копейщиков, и несколько удачных выстрелов открыли бреши в эльфийской линии обороны. Тем не менее лучники сдерживали наступление орков, а копейщики перестроились и снова сомкнули ряды. Камни и обмазанные смолой и подожженные бревна попадали в самих орков гораздо чаще, чем в эльфов, но и это доставляло стоявшим у катапульт подлинное наслаждение.

Казалось, им все равно, кто погибает от их сокрушающих выстрелов. Малекит тем временем подал сигнал к последнему акту этой пьесы.

Пропел горн, и открылись северные ворота. Оттуда выехали рыцари Нагарита. На пиках развевались вымпелы, гордо реяли черные хоругви, и тысяча всадников ринулась на зеленокожих. Под боевой клич Нагарита и пение горнов рыцари Анлека косой врезались во фланг армии орков.

Против этого орки оказались беззащитны: они не могли развернуться и встретить атакующих, одновременно не подставившись под копья пехоты. В первые же секунды от ударов пик и под копытами боевых коней умерли сотни. Рыцари влетели в середину орды, и пехота двинулась вперед.

В этот момент Лорхир указал на восток. Не все орки участвовали в атаке, и несколько сотен их сейчас приближались к месту боя. Они могли зайти в тыл кавалерии либо броситься в открытые городские ворота.

— Мы должны остановить их! — сказал Лорхир и кинулся было к лестнице, но Малекит поймал его за руку.

— Я же сказал, что вы еще не стали частью армии Нагарита, — строго заметил он.

— Но у вас нет резерва! Одни лучники не смогут их задержать, кто же их тогда остановит?

— Я, — ответил князь. — Если каждый из моих воинов стоит пятерых ваших, то я стою не меньше сотни!

С этими словами Малекит развернулся и побежал по стене в сторону приближавшихся орков. На бегу он начал читать заклинание, притягивая к себе ветры магии. Он чувствовал, как они завиваются в воздухе вокруг него, поднимаясь сквозь камень под ногами. Колдовство набирало силу, наполняя тело Малекита энергией.

Наконец он с криком выхватил меч из ножен и с парашюта спрыгнул вниз. За его спиной раскрылись серебристые магические крылья, не позволившие князю упасть на камни и разбиться.

В полете меч Малекита начал разгораться волшебной силой, по клинку заструился пронзительный голубой свет. Он растекался все шире, пока не покрыл все тело князя, так что тот превратился в светящуюся молнию. Орки спотыкались и в изумлении глазели на эльфа. Малекит приближался к ним с вытянутым вперед сжатым кулаком, меч в другой руке занесен для удара.

Князь Нагарита врезался в толпу орков подобно метеору, оставляя за собой взрывы голубого пламени, от которых во все стороны разлетались орки и дымящиеся комья земли. Несколько дюжин зеленокожих сбило с ног, их плоть лизали языки пламени. Из возникшей воронки поднимался дым, а когда он немного рассеялся, стало видно, что князь сидит на ее дне. С криком он вскочил на ноги, выставив перед собой меч как пикку, и клинок пронзил грудь ближайшего врага.

Скорее повинуясь инстинкту и врожденной жестокости, нежели храбрости, орки ринулись на него с поднятым оружием. Воздух разрывали утробные крики. Малекит двигался с невероятной скоростью, рубя блистающим клинком. С каждым его взмахом один из орков падал на землю. Через несколько мгновений орки устремились прочь от гневливого князя. Остался лишь один — огромный, в два раза выше Малекита. С головы до ног его покрывали толстые металлические пластины, расписанные кровью. Он рассматривал князя крохотными красными глазками и поудобнее пристраивал пальцы на рукояти гигантского боевого топора.

С рычанием орк занес топор над головой и с ужасающей силой опустил его. В самый последний миг

Малецит спокойно отступил в сторону, и топор ушел в землю там, где только что стоял князь. Пока орк в фонтане кровавых сгустков вырывал топор из земли, Малецит сделал несколько шагов вправо. С яростным ревом орк обеими руками схватился за рукоять и снова взмахнул топором, но Малецит легко поднырнул под удар и скользнул мечом по плечу орка. На землю посыпались обломки доспеха. Орк пытался удержать равновесие, но князь шагнул ему за спину и рубанул по бедрам. Чудовище с криком ярости упало на колени и слепо рванулось к князю, но тот отступил назад, так что орк рухнул лицом вниз. Ловким выпадом Малецит пронзил оголенное плечо противника, затем рубанул по запястью другой руки. Орк взвыл, а его топор упал на землю — отрубленный кулак еще сжимал грубую рукоять.

Малецит обошел орка, рассматривая его с презрительной усмешкой. Беспомощный противник мог только реветь и пускать пену изо рта. Небрежным жестом Малецит вскинул меч в последний раз — и голова орка взлетела в воздух. Она упала на утопанную землю у самых ног князя. Тот вонзил блестящий клинок в отрубленную голову и поднял ее для всеобщего обозрения.

Немногие уцелевшие в бою орки бежали к лесу. Эльфы же трижды прокричали имя своего князя, каждый раз поднимая мечи, луки и пики в победном салюте. Рыцари какое-то время развлекались преследованием убегающих орков, а Малецит вернулся в город.

Когда до Ултуана дошли вести о геройстве Малецита, князь Анерон с многочисленной свитой приехал в Тор Анрок и попросил аудиенции у Короля-Феникса. Все скамьи в тронном зале были заняты благородными эльфами, а воздух гудел от спорящих голосов.

При появлении Короля-Феникса все уважительно замолчали. Тот неторопливо прошел через огромные

двустворчатые двери, длинный плащ из перьев развевался за ним по мраморному полу. Как только Бел Шанаар уселся на свой трон, Анерон выступил вперед и отвесил ему небрежный поклон.

— Малекит должен быть наказан! — прохрипел он.

— Наказан за какое преступление? — спокойно спросил Бел Шанаар.

— Он отнял мои земли, — ответил Анерон. — Город Атель Торалиен был основан моим отцом и перешел ко мне по наследству. У злодея из Нагарита нет на него прав.

— Если вы позволите Малекиту сохранить украденное, вы подадите ужасный пример другим князьям, — добавил Галдиран, один из меньших князей Эатана. — Если мы начнем отбирать друг у друга земли, то воцарится полнейший хаос!

Некоторые придворные негодуяще шикали, другие, напротив, издавали крики в поддержку Малекита. Сумятица продолжалась некоторое время, но, когда Бел Шанаар поднял руку, снова воцарилась тишина.

— Кто-нибудь выступит в защиту Малекита? — спросил Король-Феникс.

Раздалось деликатное покашливание, и все взгляды обратились к верхнему ярусу скамей. Там, окруженная небольшой свитой мрачных нагаритов, сидела Морати. Она неторопливо встала и грациозно вышла на середину тронного зала — шлейф платья тянулся за ней золотистыми рассветными облаками.

— Я говорю не от лица Малекита и не от нагаритян, — произнесла она нежным, но сильным голосом. — Я говорю от лица жителей Атель Торалиена, которых князь Анерон оставил умирать.

— У меня на кораблях не было места... — начал Анерон.

— Тихо! — прорычала Морати, и эатанский князь умолк. — Не смей прерывать старших! Князь Анерон

и эатанское княжество отказались от всех прав на Атель Торалиен, когда забыли о своей обязанности защищать его жителей.

Поначалу Морати обращалась к Белу Шанаару, но теперь обернулась лицом к залу.

— Князь Малекит не захватывал трон, — провозгласила она. — Ни один клинок не поднялся на воинов Эатана, и не пролилось ни капли эльфийской крови. Князь Нагарита защитил брошенный на произвол судьбы город от орков. Этим поступком он спас сотни эльфийских жизней. То, что когда-то эти земли принадлежали князю Анерону, не имеет больше никакого значения. Если начать вести подобные споры, то, может быть, следует пригласить сюда и представителей орков, — как-никак, это их историческая родина!

По залу пронесся смех. Уже несколько лет по Ултуану ходили легенды о жестокости и глупости орков. Бывшая правительница Ултуана снова повернулась к Королю-Фениксу.

— Мой сын не совершал никаких преступлений, — произнесла она. — Малекит не просит о награде и славе, он всего лишь хочет удержать то, за что сражался. Неужели ты откажешь ему в этом?

Большая часть собравшихся встретила доводы Морати аплодисментами. Бел Шанаар размышлял, какое решение принять. Впрочем, большинство жителей Ултуана восхищались Малекитом и героическим спасением обреченного города. Князь же Анерон никогда не пользовался особой популярностью даже среди своих подданных-эатанцев. Король-Феникс слышал, как эльфы под окнами дворца встретили прибытие Анерона презрительным улюлюканьем.

— У меня есть доказательство, — добавила Морати.

Она сделала знак своей свите, и один из эльфов поднес ей свернутый пергамент. Морати передала его

Бел Шанаару. Он не стал разворачивать свиток, но вопросительно взглянул на провидицу.

— Это послание от жителей Атель Торалиена, — сказала та. — Его подписали все четыреста семьдесят шесть воинов, что отбивали нападение орков. Они клянутся в вечной преданности князю Малекиту. Более того, они приглашают своих друзей и родственников приехать в город, ибо убеждены, что под защитой Нагарита он будет процветать.

Придворные и князья разразились торжествующими криками. Анерон осклабился, поскольку даже некоторые затанцы присоединились к насмешкам.

— Судя по всему, прецедент создан, — произнес Бел Шанаар, когда шум утих. — Если князь оставляет свои земли без защиты, то он теряет все права на владение. Князь Анерон бросил свои земли и подданных. Поэтому Атель Торалиен следует рассматривать ничейной территорией и доступной для завоевания любым князем. Князь Малекит заявил на эти земли право, и мой суд признает это право законным. Пусть этот случай станет предупреждением для всех, кто ищет богатство и власть в новом мире. Идите вперед во имя Ултуана, но не забывайте о своих обязанностях.

Посрамленный князь Анерон этим же вечером тайно отплыл от берегов Ултуана на восток, к заросшим берегам Люстрии. А Малекит был признан правителем Атель Торалиена. Завоевание Нагаритом колоний началось.

WARHAMMER
40,000

A SPACE MARINE BATTLES NOVEL

БИТВА ЗА КЛЫК

КРИС РАЙТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вэр Грейлок пригнулся, противясь порывам ветра и вода голыми пальцами по плотному снегу. Перед ним простиралась равнина, выбеленная снегом и опоясанная громадными горными пиками.

Он принюхался, глубоко вдыхая ледяной воздух. Добыча что-то учуяла, и теперь ветер пах страхом. Волк напрягся, чувствуя, как сжались в готовности мышцы. Его с булавочную головку зрачки расширились от возбуждения, почти поглотив светло-серую радужку.

Еще нет.

Внизу, в нескольких сотнях ярдов, ища защиты от ветра, стадо сбилось в кучу и нервно топталось. Конунгуры, редкий вид. Все живое на Фенрисе всеми силами цеплялось за жизнь, и эти создания не были исключением. Две пары легких, чтобы выхватывать из разреженного воздуха Асахейма каждую молекулу кислорода, огромные грудные клетки из полусросшихся костей, ноги толщиной с торс человека, пара спиральных рогов и шипастый спинной гребень. Одним ударом конунгур мог сломать человеку шею.

Грейлок все еще пребывал в напряжении, наблюдая, как животные передвигаются по равнине. Он оценил расстояние, все так же пригибаясь к снегу. Оружия в руках у него не было.

Я сам и есть оружие.

На нем не было и брони, а металлические узлы панциря терлись о короткую кожаную куртку. Губы оставались крепко сжатыми, и только тонкие струйки пара вырывались из ноздрей. На Асахейме царил мучительный холод,

и даже для его улучшенной физиологии здесь имелись тысячи взаимосвязанных способов распрощаться с жизнью.

Конунгуры остановились. Самец во главе стада настороженно застыл, его величественная, увенчанная гигантскими рогами голова резко вырисовывалась на снежном фоне.

Сейчас.

Грейлок выскочил из укрытия. Ноги его со скрипом давили наст, мощными рывками отбрасывая назад снежную пыль. Ноздри раздувались, втягивая воздух в сильное, поджарое тело.

Конунгуры внезапно взвились в воздух и понеслись прочь от хищника. Но Грейлок приближался, ноги его просто горели. Второе сердце яростно колотилось, наполняя тело насыщенной адреналином кровью. В ней не было мьода — Грейлок постился несколько дней, изгоняя из организма боевые стимуляторы.

Мое чистое состояние.

Конунгуры бешено неслись, перескакивая через прилинные ветром сугробы, но Грейлок был быстрее. Белые волосы трепались по мощным плечам. Он обогнал самого медленного зверя и неся теперь рядом со стадом, распалая ужас в животных. Стадо бросилось враспынную, спасаясь от хищника.

Грейлок не отрывал взгляда от вожака. Животное было метра два в холке: больше четырех тонн железных мускулов, поддержанных шальной скоростью. Волк метнулся за самцом, чувствуя, как острая боль пронзает ноги от перенапряжения. Обувявший преследуемое животное страх забил его ноздри, разжигая пульсирующее в венах кровавое безумие.

Конунгур резко вильнул в сторону, пытаясь оторваться от преследователя. Грейлок прыгнул, обхватив существо за шею вытянутой рукой и затем согнув ее. Конунгур взбрыкнул, пытаясь стряхнуть врага, лягаясь острыми копытами и испуская трубный рев, исполненный хрипа и боли.

Грейлок взмахнул свободной рукой и ударил конунгура по голове. Хрустнули кости, и животное пошатнулось. Грейлок вонзил когти в твердую плоть, потянул за связки и увлек зверя к земле.

Конунгур рухнул на землю, дергая ногами. Грейлок обнажил клыки и зарылся лицом в горло зверя. Он рвал зубами плоть, встряхиваясь, словно собака, сосал горячую кровь, чувствуя, как она оmyвает его зубы. Его наполняло наслаждение от убийства. Туша под хищником задрожала в судорогах, взбрыкнула в последний раз и затихла.

Грейлок отбросил в сторону конунгура и вскинул к небу голову:

— Хьолда!

Все еще взбудораженный погоней, Вэр Грейлок заревел в триумфе в пустом воздухе, выплевывая кровь и шерсть. Остальное стадо было уже далеко отсюда, мчась по льду на возвышенность.

— Фенрис хьолда!

Его рев эхом разнесся по равнине. Грейлок опустил глаза и ухмыльнулся. Эндорфины яростно бурлили в крови, оба его сердца тяжело стучали в унисон.

Мое чистое состояние.

Туша начала источать пар, когда кровь фонтаном забила из бока. Грейлок голыми руками рванул плечо, чувствуя, как отдирается кусок мяса. Он не обращал внимания на стекленеющие глаза зверя, пустые и быстро остывшие. Оторвав часть плоти, Волк с жадностью впился в нее, восполняя потраченную на охоту энергию. Мясо конунгура было достаточно питательным, чтобы удовлетворить запросы хищника.

Но уже во время трапезы он заметил, как впереди что-то потревожило снег, и оторвался от пиршества. С подбородка капала горячая кровь. Что-то приближалось.

Недовольно зарывав, Волк поднялся. Зверь внутри его был настороже. Чернея на фоне бледного неба, приближался флаер. Он двигался быстро, кругами облетая равнину и резко снижаясь.

Грейлок вытер губы, но в итоге только размазал кровь по белым волосам. Его тело было напряжено, словно струна, каждый волосок стоял дыбом. Он недовольно зарывал.

Лучше бы это было что-то хорошее.

Неповоротливый, с коротким носом флаер подлетел ближе, скользя над сугробами. Это было четырехместное штурмовое десантное судно, скавр с открытыми бортами, вооруженный расположенными под крыльями сдвоенными болтерами. В открытом пассажирском отсеке виднелась только одна фигура. Ни за что не держась, она спокойно стояла, длинные рыжие волосы развевались вихрем.

— Ярл! — заорал прибывший, перекрывая рев машины, когда флаер завис в метре над землей. Поворотные двигатели выплавили глубокие колодцы в снежном покрове, превратив сугробы в жидкую кашу.

— Тромм, — огрызнулся Грейлок, не трудясь скрыть гнев. Возбуждение от охоты еще не улеглось.

Волчий гвардеец Тромм Россек был облачен в полный боевой доспех. Выглядел он таким же громадным, как обычно, однако какая-то странная веселость светилась в его глазах.

— Новости от Къярлскара! Тебя зовет Железный Шлем! Грейлок сплюнул на снег.

— Что, прямо сейчас?

Россек пожал плечами, все еще балансируя и сражаясь с движениями корабля.

— Так он сказал.

Грейлок покачал головой и кинул преисполненный уныния взгляд на тушу конунгура. Жажда битвы и убийства сменилась оцепенением и болью разочарования. Выход из охотничьего состояния давался с трудом.

Ярл скачками подбежал и прыгнул в пассажирский отсек зависшего над землей воздушного судна.

— Удачная охота? — осведомился Россек, и широкая улыбка расколола его скуластое, покрытое татуировками лицо.

— Доставь меня обратно в Этт, — пробормотал Грейлок, рухнув на металлический пол, когда кэрлы в кабине пилота прибавили мощности в форсунках.

Да, охота выдалась удачной.

Десантный корабль летел на северо-восток, петляя меж высоченными пиками. Плато Асахейм располагалось в не-

скольких тысячах метров над уровнем моря. Даже в лежавших ниже долинах воздух был слишком разрежен, чтобы смертные могли дышать без масок. Впереди громоздились одна на другую молодые горы, ряды закованного в лед камня вздымались все выше и круче. Двигатели взвыли, вознося корабль.

Грейлок стоял на краю открытой платформы. Он чувствовал, как замерзает кровь на лице. Он был почти полностью обнажен и знал, что холод скоро завладеет его телом, но все равно оставался здесь, позволив ледяному воздуху трепать гриву белоснежных волос.

— Так что ему нужно? — спросил он наконец, без труда балансируя при резких выражах флаера.

Россек пожал плечами:

— Ярлы собрались в зале. Случилось что-то серьезное.

Грейлок заворчал, качая головой. Состояние после схлынувшего удовольствия от убийства было сродни наркоманской ломке. Ярл был злым и неразговорчивым.

Два воина на платформе казались совершенно разными. Россек был рыжеволосым, бородатым гигантом с крупным лицом. Плоский сломанный нос и шея с мышцами-канатами. По левой щеке змеилась татуировка в виде дракона, которая заканчивалась на виске, где из-под кожи выступали шесть металлических штифтов. В другом ордене они могли бы означать шесть столетий службы. Но Россек не был столь стар — ему просто нравились штифты в черепе.

Его лорд был слеплен из иного теста. Грейлок был строен и поджар, и его плоть туго обтягивала кости. Лицо волчьего лорда было вытянутым, как будто закаленным ледяными ветрами. Он был охотником до мозга костей, воплощением убийцы, быстрым и смертоносным. Даже его братья, Влка Фенрика, сверхчеловеческие воины Фенрису, чувствовали себя неуютно рядом с ним. Все в Этте признавали его мастерство в охоте, но не доверяли привычке впадать в задумчивость, как не доверяли его масти. Он был белым, с глазами цвета стали.

Словно приказ, говорили все. Словно снег на снегу.

— Все остальные тоже там? — спросил Грейлок, подставляя тело ветру. Он чувствовал, что обнаженные руки уже покрылись ледяной коркой.

— Три Великие роты еще за пределами этого мира, рота Кьярлскара одна из них.

Грейлок кивнул. Железный Шлем долго собирал силы на Фенресе, и бесконечные экспедиции, направленные на отслеживание его давнего врага, похоже, наконец закончились. Страстное желание Великого Волка отыскать Магнуса переросло в одержимость, ту самую, против которой однажды выступил Грейлок. В мире имелись тысячи врагов, на которых стоило охотиться, и многие из них предпочли бы встретить Волков лицом к лицу и сражаться, а не сбегать в эфир.

— Ну что же, посмотрим, — отозвался Грейлок, глядя на приближавшиеся горы, окутанные плотным туманом.

На горизонте показался невероятно высокий пик.казалось, само ядро Фенриса пробилось через мантию, сформировав ужасающий, не имевший себе равных пик, коническую горную массу, взмывавшую в чернеющее небо. Сложенные из острых камней отвесные склоны были покрыты девственным снегом и блестели коркой древнего непотревоженного льда. Куда ни глянь, во все стороны громоздились вершины поменьше, теснясь к неровной линии горизонта в тени Великой горы, Плеча Всеотца, *волда хамаррки*, Мирового Хребта.

На далекой вершине сияли крошечные огни, сражаясь с густевшей тьмой разреженной атмосферы. Они обозначали обители Небесных Воинов, жилище полубогов, которое само было крошечной частью тела громадного пика. Жители этого места, кэрлы и космодесантники, называли его Эттом.

А для остальной галактики, питавшей благоговейный страх перед космодесанниками, обитель сынов Русса была Клыком.

Грейлок безучастно смотрел на приближавшиеся огни. К вершине летели и другие машины, по меньшей мере три. Железный Шлем стягивал все свои силы к домашнему очагу.

— Быть может, он наконец-то сдался, — промолвил ярл, глядя, как становились все ближе мерцавшие огоньки посадочной платформы. — Или я надеюсь на слишком многое?

— Клинок Вирма! Довольно тут химичить!

Одаин Стурмъярт шагнул в лабораторию, нетерпеливо отодвинул в сторону трэллов — творцов плоти. Громадный рунный жрец, закованный в украшенную символами броню, ударил посохом в пол, и по камню растеклись волны энергии.

Тар Арьяк Хральдир, обладатель Клинка Вирма, давшего ему это прозвище, неохотно оторвался от работы. В тусклом свете ламп его глаза казались глубокими янтарными озерами. Волчий жрец был раздражен, и его усталое и без того не отличавшееся красотой лицо искажала гримаса недовольства. Когда он громко выдохнул, обнажилась пара изогнутых клыков. Медленно, кривясь от боли в спине из-за долгого пребывания в согнутом положении, Клинок Вирма сел прямо.

— Явился, Громыхающий Костями, — съязвил он в ответ. — Знаешь, сейчас не самое подходящее время.

На металлическом столе перед ним длинными рядами выстроились пробирки с прозрачной жидкостью. Каждая была обозначена определенной руной. Некоторые стояли в одиночестве, другие соединялись с соседними при помощи микрофиламента. Третьи скреплялись нитями проводящего пластоволокна.

Клинок Вирма жестом прибавил освещения в зале. Потоки света залили облицованные белоснежной плиткой стерильные помещения, которые перетекали одно в другое, словно комнаты в подземелье. Взрывостойкие двери во внутренние комнаты захлопнулись, мимолетно показав картину жужжащего вокруг сверкающих центрифуг оборудования, постоянно показывавших все новые ряды экранов и стоявших вдоль стен емкостей в человеческий рост с прозрачной жидкостью. В них ютились некие черные тени, неподвижные и безмолвные.

— Да что ты говоришь, железная задница, — промолвил Стурмъярт, и его румяное лицо осветилось весельем. — Он сдерет с тебя кожу и пришьет туда, где ему ее не хватает. Я как раз пришел спасти тебя от этого.

Рунный жрец был сложен, как все Адептус Астартес, — крепкий, настоящая гора мускулов, широкоплечий и коренастый. У него была аугментика вокруг левого глаза, густая серебристая борода, жесткая и спутанная. Коститалисманы свисали на цепях с нагрудника, расположенные так, чтобы точно направлять власть над стихиями. Расположение рун на броне могло показаться случайным, но ничего подобного, каждый вырез и насечка были сделаны после многих дней гадания и бросания костей. Его веселость тоже вводила в заблуждение — Стурмъярт был верховным рунным жрецом ордена и обладал ужасающей силой.

— Пусть попробует, — пробормотал Клинок Вирма, бросая последний взгляд на пробирки. Когда он отошел от длинного стола, контейнер со стальными инструментами с мягким щелчком закрылся. — И тогда вспомнит, кто вытаскил его изо льда и нанес первые шрамы.

Громадный волчий жрец двигался бесшумно и медленно, размеры отнюдь не влияли на легкость его перемещений. Он был стар, и время наложило заметный отпечаток на его облик. Черные взлохмаченные волосы обрамляли длинное лицо, линии татуировки на коже со временем покрылись бурой коркой. Его кожа казалась такой же жесткой, как пласткрит, закаленная непогодой и выдубленная пятью столетиями непрерывных сражений. Но несмотря на возраст, глаза его до сих пор светились умом, а хватка отличалась силой. Угольно-черная, как и грива, броня была увешана древними костями и покрыта трещинами, плазменными ожогами и шрамами от клинков. Каждое движение дышало мощью, сдержанной древней силой, проверенной и закаленной пожарами войны.

Два жреца. Столь разные и непохожие.

Стурмъярт скептическим взглядом окинул ряды пробирок:

— Есть успехи?

— Ты никогда не понимал важности всего этого. Если уж я не сумел убедить тебя десятков лет назад, то не сделаю этого и сейчас, ведь ты успел постареть и поглупеть.

Стурмъярт фыркнул, и смешок извергся из его груди, словно вырвавшийся на поверхность краккен.

— Я стал старше, да, но это не единственный способ поглупеть.

— Ну, похоже, ты знаешь их все.

Жрецы покинули лабораториум и зашагали по длинному коридору, ведущему к транзитным шахтам и освещенному лишь факелами, закрепленными на стенах из полированного камня. Облаченные в черные одеяния творцы плоти почтительно расступались, склоняя головы.

— Я не знаю, как долго Железный Шлем собирается ждать, — промолвил Стурмъярт. — Ты целый год не покидал планету.

— Потерпит, пока исследование не будет завершено. — Клинок Вирма обратил взор глубоко посаженных глаз на рунного жреца. — И ты тоже будешь терпеть. Эта работа важна.

Стурмъярт пожал мощными плечами.

— Не влезай в вюрд, брат мой, — прогудел он. — Я уже предупреждал тебя прежде. Если бы судьбе было угодно, ты бы давно закончил исследования.

Клинок Вирма прорычал с досады, волоски на его руках встопорщились. Он чувствовал, как на поверхность стремится его животный дух. Впрочем, если Стурмъярт и заметил это, то не подал виду.

— Не стоит приказывать мне, брат, — отозвался он, остановившись. — Ты не единственный, кто способен видеть будущее.

Бежали мгновения, но ни один из жрецов не двигался. Наконец Стурмъярт сдался.

— Вот же твердолобый старый сукин сын, — пробормотал он, поворачиваясь обратно. Качая взлохмаченной головой, он вышагивал между факелами.

— Никогда об этом не забывай, — сухо промолвил Клинок Вирма, следуя за ним. — Вот почему мы с тобой всегда хорошо ладим.

Зал Аннулуса располагался в верхней части Клыка, Вальгарде. Это было одно из первых помещений, которое в эпоху легенд вырубili в горной породе геоманты, доставленные с Терры на Фенрис, чтобы упрочить положение Шестого легиона. В то время техножрецы могли разрушать горы и вновь возводить их, изменять очертания континентов и смягчать колебания времен года в этом мире смерти и холода. Они могли бы сотворить на Фенресе рай, если бы пожелали. Но приказ примарха предписывал не изменять ужасающие природные особенности планеты. Русс желал, чтобы его родной мир оставался громадной тренировочной площадкой для воинов, плавильным котлом, где его народ закалялся бы, подобно стали.

И вот одна гора из многих пиков Асахейма была лишена своей первоначальной формы. При помощи древних устройств, обладавших утраченной позднее ужасающей мощностью, в ней были созданы целые залы. Теперь знания, которыми обладали те давно умершие строители, быстро исчезали, и уже никогда не будет возведена цитадель подобной мощи и величия. Клык был уникальным для всего Имперiums творением гения, который медленно иссякал в галактике, ибо человечество оступилось и стало забывать уроки прошлого.

По периметру Аннулуса, гигантского круга на полу зала, на каменных панелях с вырезанными на них символами Великих рот стояли двенадцать фигур. Восемь из них были ярлами — волчьими лордами, — включая Грейлока, который уже успел облачиться в боевой доспех и смыть кровь. Другие три волчьих лорда находились не на планете, хотя Железный Шлем и послал им астропатические призывы, извещая об открытии Кьярлскара. Рядом с ярлами возвышались три верховных жреца: Клинок Вирма, Стурмъярт и железный жрец Берессон Гассийк Рендмар, красовавшийся в улучшенном литом доспехе.

Еще одно место было занято Хареком Эйрейком Эйрейксоном, наследником Русса и Великим Волком. Облаченный в терминаторский боевой доспех, он доминировал здесь, как, впрочем, и повсюду. Его цвета воронова крыла длинные густые волосы и борода были заплетены в косы, чьи концы скреплялись костяными тотемами. Харек был самым старым из присутствующих здесь воинов, он руководил орденом уже более трех столетий. Кровь жертв обгадряла его боевое облачение столь долго, что стальной цвет доспеха потемнел. При свете факелов сверкала лишь одна изогнутая пластина из металла, имплантированная в правую часть черепа, — наследие кровавой дуэли, что оставила ему железные имплантаты и подарила прозвище. В полумраке зала Харек Железный Шлем казался безрадостным и задумчивым, словно призрак Моркаи.

— Братья! — промолвил он, поочередно останавливая взгляд на каждом из стоявших перед ним волчьих лордов. В его голосе слышалось эхо грохочущей агрессии. — Добыча обнаружена. Ярл Арвек Рен Къярлскар нашел логово предателя, и теперь наконец-то мы завершим охоту.

Пока он говорил, мерцающий зеленый гололит поднялся из центра Аннулуса. Изображение оказалось неспешно вращавшейся планетой. Точки на гололите были отмечены знаками боевых кораблей, все они были фенрисскими. Къярлскар заблокировал мир.

— Гангава Прим, — сказал Железный Шлем, упиваясь словами, слетавшими с потрескавшихся губ. — Вся имеющаяся там орбитальная защита уже уничтожена, пустотные щиты защищают самые крупные поселения. Къярлскар насчитал десятки миллионов жителей в одном только главном городе.

По мере того как Железный Шлем говорил, его голос становился все более живым. Грейлок заметил, как правая рука Великого Волка, облаченная в тяжелую латную перчатку, сжалась в кулак. Присутствие феромона кровожадности почувствовалось в воздухе.

Он охвачен жаждой боя. Уже.

— Мы полетим всей Стаей, — провозгласил Железный Шлем, обнажая в ледяной улыбке мощные, со сколами,

клыки, словно кто-то рискнул с ним не согласиться. — Ударим всеми силами. Эта добыча требует ярости всей охотящейся Стаи.

Гололит замерцал, когда тактические схемы показали зоны высадки и пути к ним. Главной целью был громадный городской массив на северных широтах. Городские огни сверкали так ярко, что, пока Грейлок на них смотрел, у него заболели глаза и в душе вспыхнуло раздражение. Он услышал, как зал наполнило низкое рычание.

— Как это далеко? — требовательно прорычал Морскарл, ярл Третьей роты. Голос его звучал глухо из-за древней, еще времен Ереси, маски.

— В трех неделях пути по варпу. Флот уже приведен в готовность.

— Ты уверен, что он действительно там? — спросил железный жрец Рендмар своим странным металлическим голосом.

— Кьярлскар подтвердил это. Предатель ждет нас, уверенный в своих силах.

— Он как будто приглашает нас напасть, — промолвил ярл Пятой роты Эгиал Вракссон, сузив глаза под рассеченными шрамами бровями и пристально разглядывая тактический дисплей. — Но почему?

— У него более двух миллионов солдат. Зона хорошо укреплена, под землей имеются военные заводы. Братья, он создает новый легион. Но мы настигнем его прежде, чем он закончит.

— Легион без флота, — мягко промолвил Грейлок.

Внезапно он почувствовал неприязненные взгляды. Разделив энтузиазм Железного Шлема, участники совета не хотели слышать никаких возражений.

— Ну и что с того, щенок? — рявкнул Железный Шлем. Слово «щенок» прежде использовалось не всерьез, когда старшие ярлы подшучивали над относительной молодостью Грейлока. Но теперь в голосе Харека прозвучали резкие нотки.

Грейлок холодно воззрился на Великого Волка. Но все были охвачены предчувствием охоты и напряглись, словно гончие на сворке.

— Лорд, неужели ты думаешь, что Предатель не предусмотрел этого? — промолвил он, стараясь говорить спокойно и уважительно. — Как много ложных знаков он уже успел нам оставить?

Рекки Ойррейссон, ярл Седьмой роты, косматый монстр с тяжелой челюстью и мощными плечами, выразил недовольство угрюмым ворчанием:

— Рунный жрец утверждает, что Магнус там.

— А если он и там? — ответил Грейлок. — Как бы низко он ни пал, он остается примархом. Если даже Русс, хвала его памяти, не смог убить Предателя, на что можем надеяться мы?

На это красноглазый Борек Салвргрим, ярл Второй роты, выступил вперед, потянувшись рукой к оружию на поясе. Загудел хор разгневанных волчьих лордов.

— Ярл, ты забылся! — предостерег Железный Шлем, и его могучий голос эхом загредел в зале.

Несколько мгновений обстановка оставалась крайне опасной. Предположить — даже только намекнуть на существование пределов для Стаи — было крайне рискованно.

Затем Салвргрим крайне неохотно отказался от вызова, бросив при этом мрачный взгляд на Грейлока.

— Мы завязли в этом деле, — произнес Железный Шлем, разговаривая с Грейлоком так, словно показывал юнцу, как нужно держать топор. — Это наш кровный долг. Завершение нашей миссии.

Ну вот, опять это слово. Как и другие, Грейлок понимал всю важность предприятия. Они были охотниками, Волками, и ничто не было важнее преследования и убийства. Многие в Империи считали воинов Русса дикарями, но это свидетельствовало только о незнании истории галактики. Волки делали все, что было необходимо, для решения задачи, какой бы сложной та ни была. Именно для этого они и были созданы. Незавершенная охота была основой глубочайшего стыда, тем, что выжигает след в душе.

— Есть и другие соображения, — встрял Клинок Вирма, слишком старый, чтобы его можно было смирить неодобрением. Покрытое морщинами бесстрастное лицо обратилось к Железному Шлему. — Моя работа, к примеру.

— Не упоминай ее здесь, — пробормотал Вракссон, уставившись на рунного жреца. — Это военный совет, а не обсуждение твоего богохульства.

Клинок Вирма наградил ярла холодной улыбкой.

— Возможно, твою модель можно немного подправить, Эгиал.

— Довольно, — прошипел Железный Шлем.

Грейлок внимательно смотрел на Великого Волка, подметив раздутые ноздри и сверкавшие радужки глаз. Жажда убийства стала намного ощутимее.

Этот совет только подтвердит единственно возможный итог.

— Отвращение сильно во мне, — промолвил Железный Шлем. — Алый Король, виновник нашего бесчестья, у нас в руках, а мы медлим. Стыдитесь, братья! Мы что, собираемся вечно зябнуть здесь, сбиваясь в кучу вокруг костров, пока нас согревают дела отцов?

Раздался одобрительный хор голосов. Запах Стаи теперь был уже не воинственным, а исполненным нетерпения. Грейлок видел, как мастерски Железный Шлем воззвал к их гордости, и потому решил хранить молчание. Никто не станет оспаривать грядущее решение.

— Мы собрали все наши силы, — продолжал Железный Шлем. — Никто в галактике не сможет выстоять против Стаи. Къярлскар обнаружил его, и, когда мы к нему присоединимся, Гангава истечет кровью в наших когтях.

Салвргрим, чья страсть к охоте была исключительной, гортанными звуками выразил одобрение.

— Вот оно, братья, — пролаял Великий Волк, вознося к небу кулак. — Вы чувствуете это? Чувствуете это в своей крови? Это время, когда мы уничтожим последнее отребье Просперо!

В ответ собравшиеся ярлы дружно зарычали, и громopodobный рев заставил содрогнуться холодные камни.

Грейлок обменялся быстрым взглядом с Клинком Вирма, своим единственным союзником здесь. Выражение лица жреца было довольно кислым.

— А кто останется следить за цитаделью, лорд? — спросил старый рунный жрец, намеренно выбрав самый подходящий момент, чтобы чуть снизить накал царившей вокруг эйфории.

Железный Шлем взглянул на вюрдмастера, и на его лице появилась смесь пренебрежения и гнева.

— Ты и останешься! — рявкнул он. — Ты и этот щенок, раз у вас кишка тонка для боя. И никто больше. Остается только одна Великая рота. Всех остальных я беру на охоту.

Он резко повернулся к кругу громадных фигур в доспехах, выстроившихся вокруг Аннулуса, и на его лице расплылась улыбка убийцы.

— Присоединившихся ко мне ждет безмерная честь. Мы сделаем то, с чем не справился даже наш покойный отец.

Его улыбка превратилась в широкую ухмылку, обнажившую клыки из кости и металла.

— Мы возьмем Алого Короля! — прорычал он, и его голос загудел глубоко внутри нагрудника. — И сотрем его с лица вселенной!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Свет в зале был тусклым, едва ли ярче того, что нужен смертным, чтобы видеть. Здесь не было напольных светящихся полос, только четыре плававших под потолком пракаса. Подобно драгоценным камням, они лениво парили в воздухе, крохотные источники света в теплой темноте. Изпод пола доносился низкий гул варп-двигателей корабля, заставлявших пракасы дрожать, словно листья при дуновении ветра.

Амуз Темех мог читать даже в почти полной темноте, но мягкие красноватые оттенки света ему нравились. Он потянулся к уголку хрупкой страницы и осторожно перевернул ее. Его пальцы действовали бережно и аккуратно, не допуская новых разрывов, уже попортивших древний манускрипт.

Фиалковые глаза не отрывались от текста. Он знал, что там написано. Знал, что было написано во всех книгах, которыми обладал легион. Только Ариман, возможно, знал больше, но он ушел.

— Брат, тебе не надо было сбиваться с пути.

Темех высказал это вслух, чувствуя, как слова слетают с его губ. Он сказал это на телапийе, языке авторов книги, умерших давным-давно. Даже при своем сверхчеловеческом контроле над артикуляцией ему не удалось воспроизвести всю полноту нужных звуков — для этого понадобилось бы два языка, причем оба более цепкие, чем его собственный. Впрочем, даже грубое подражание стоило многого. С тех пор как погиб последний телап, скорее всего Амуз Темех был единственным, кто говорил на языке, которому уже миллион лет.

Слабый звон донесся снаружи, из коридора личного лексиканума Темеха. Он подавил укол раздражения. Афаэль просто делал свою работу.

— Входи.

При звуке его голоса панель в темном зале бесшумно отступила и открылась. Пракасы разбухли, чтобы дать больше света, и их лучи заскользили по комнате, демонстрируя ее разнотильные предметы. Стол хаукс с Кареллиона, аквариум из кристалла полевого шпата со сверкавшими цихлидами, костяные ножны из погибшего мира-корабля эльдар — Сайм-Арвуэль.

Очень много безделушек. На древней Терре его называли бы сорокой за любовь к ярким и необычным вещам.

— Все читаешь, брат?

Херум Афаэль, нагнувшись, вошел в лексиканум. Он был в полном боевом облачении, что делало его на полметра выше Темеха. Темно-синий доспех на сочленениях украшали бронзовые завитки, неприкрытой оставалась лишь гладкая лысая голова. Сейчас лорд-чернокнижник Пирридов проводил большую часть времени в броне, Темех уже не мог припомнить, когда последний раз видел Афаэля без нее.

— Времени уйма, — отозвался Темех, опуская книгу на стол перед собой.

Афаэль ухмыльнулся и встал перед ним. Он был само воплощение нетерпения. И это неудивительно — его братья по ордену все были нетерпеливы. Дар, за который их и ценил Магнус.

— Брат, почему ты здесь? — спросил Темех, не желавший терять драгоценные дни до начала операции. Тогда уж все мысли, кроме как о сражении, станут невозможными.

— Что ты читаешь? — вопросом на вопрос ответил Афаэль, недоверчиво косясь на книгу.

— Ничего ценного для текущей кампании. Свет авторов этой книги давным-давно исчез из вселенной. Стараниями Ангрона, как я полагаю. Один из многих примеров его терпимости.

Афаэль пожал плечами:

— Он такой же дикарь, как и все Псы. Но сосредоточься на важном.

— Уверяю тебя, я сосредоточен.

— Тебе придется сильно постараться, чтобы убедить меня. Ты отдалился.

— Только в твоём воображении.

Афаэль улыбнулся, но в его улыбке не было и тени веселья.

— И ты должен все знать об этом.

Пиррид покачал головой. Когда шея коснулась поверхности разъемов интерфейса в горжете доспеха, Темех заметил морщинки. Был ли это ранний признак, предательский симптом?

О нет. Только не ты тоже!

— В любом случае планы нападения согласованы, — промолвил Афаэль. — Тебе следует присоединиться к командной группе, иначе твоё отсутствие вызовет ещё больше замечаний в совете.

Несмотря на это, Темех позволил своему разуму ненадолго оставить тело и отправиться по локальному вектору в Имматириум. Оттуда он видел несущийся по варпу флот. Ударные крейсера, оцетинившиеся орудиями, готовые к началу орбитальной войны. За ними следовали транспортные суда, нагруженные тысячами и тысячами смертных с эмблемой в виде глаза на нагрудниках.

А в трюмах громадных кораблей находились рубрикуты, создания Аримана. Они безмолвно ждали, когда их оживит воля тех, кто их вел. Они не почувствуют ненависти к Псам, когда будут убивать их — тех, кто вверг их в состояние вечного, безмолвного ужаса. Для них годы, прошедшие после Предательства, не имели значения. Даже для Темеха и остальных, кто сохранил свои души, лишь десятилетия пронеслись с тех пор, как Просперо был разграблен. Для детей Магнуса раны все ещё кровоточили.

Темех расслабился, и душа скользнула обратно к физическим оковам.

— Флот в хорошем состоянии, — сказал он. — Тебя стоит поздравить.

— Мне не нужно твоего одобрения. Мне нужно, чтобы ты был на мостике.

Темех склонил голову:

— Тогда я приду. И мы вместе очистим инструменты возмездия.

Афаэль нахмурился, уловив усталость в голосе Темеха.

— Брат, ты не хочешь посмотреть, как они будут полыхать? Не желаешь насладиться болью, что мы причиним Псам?

Темех чуть было не ответил словами, которые прочел всего несколько мгновений назад:

Есть в мести некая болезненная гармония. Если человек не отделит свои чувства от тех, кого желает уничтожить, то даже в победе уничтожит лишь часть самого себя.

— Причинение им боли не вернет Тизку, — промолвил он, отсутствующе глядя на скользивших в пучинах аквариума цихлид. — Но если мы пали настолько, что нашей единственной радостью станет их уничтожение, что ж, значит, это нужно сделать.

Его фиалковые глаза вспыхнули, встретившись с глазами собрата.

— Значит, они будут пылать, брат, — холодно промолвил он. — Они будут гореть так, как и представить себе не могут.

И лишь про себя, не вслух, он закончил фразу:

И то же самое случится с нами.

Фрейя Морекборн держала Кровавого Когтя за горло и не собиралась отпустить.

— Проклятье, чтоб тебя! — рывкнула она, прежде чем врезать кулаком по тупому широкоскулому лицу, выбивая зубы и разрывая кожу. Небесный Воин взирал на нее затуманенным взглядом, безвольно опустив руки. — *Прояви. Немного. Уважения.*

— Дочь моя!

Фрейя услышала далекий голос. Где-то глубоко в подсознании росло раздражение. Это сновидение ей определенно нравилось.

— Дочка!

На этот раз ее потрясли за плечо, выдергивая из сна. Последнее, что она увидела, был избитый космодесантник, падавший на пол, униженный и покоренный, чего никогда не бывало в реальном мире.

Девушка открыла глаза и увидела склонившегося над ней отца. В спальне все еще было темно, лишь горела неровным светом сальная свеча, закрепленная высоко на каменной стене.

— Что такое? — пробормотала она, сбрасывая с плеча его мозолистую руку.

— Вставай, — сказал отец.

Фрейя рывком поднялась с разбросанных на ложе шкур. Ее песочного цвета растрепанные волосы обрамляли лицо. В крошечной комнате было холодно, но она не обращала на это внимания. Везде на Фенресе царил холод.

— Что происходит?

Морек Карекборн отыскал световую сферу и подбросил ее в воздух. Его простое честное лицо теперь полностью осветилось, и тревожные линии вокруг глаз казались глубже, чем когда-либо.

— План изменился, — промолвил старый воин, проведя усталой рукой по коротким волосам. — Одиннадцатая рота вызвана с планеты. Мы вновь на службе.

— *Скиття!* — выругалась Фрейя, потирая глаза и пытаясь стряхнуть тяжелый дурман сна. — Опять?

— Ничего не спрашивай. Одевайся.

Фрейя с беспокойством посмотрела на отца. Морек был ривенмастером, командиром пятисот кэрлов Гвардии Этта. Обязанности сильно его изматывали, и он сам изматывал себя еще больше. На его лице залегли тени давней усталости.

«Они убивают его, — подумала она. — И даже не знают об этом».

— Мы же только что сменились, — запротестовала она, свесив ноги с постели и потянувшись к брошенному на пол серому мундиру. — Есть и другие подразделения, которые могут это сделать.

Морек прислонился к стене.

— Больше нет. Здесь остается только Двенадцатая рота. Привыкай — это продлится не одну неделю.

Фрейя все еще чувствовала туман в голове, натягивая форму и пытаясь привести волосы в порядок после сна. Позади целые недели изнурительных тренировок под надзором Небесных Воинов, которые напрочь забыли, что значит иметь смертное тело и смертные слабости.

— Отлично, — холодно промолвила она. — Просто чертовски отлично.

— Фрейя, дочь моя, — промолвил Морек, подойдя к девушке и решительно положив руки ей на плечи. — Будь осторожна. Думай, что делаешь и говоришь. Они терпят тебя из-за меня, но так будет не всегда.

Она хотела стряхнуть отцовские руки. Она ненавидела его нотации, как ненавидела слепую веру в его господ. Он боготворил их, хоть и знал, что когда-то они тоже были смертными. Небесные Воины едва ли знали, что существуют такие смертные, как Фрейя и ее отец, хотя без верной Гвардии Этта они не смогли бы поддерживать порядок даже в части громадного лабиринта, которым был Клык.

— Не беспокойся обо мне, — ответила она, подавив попытку неповиновения. — Я могу сражаться. Это все, о чем они заботятся.

Морек пристально посмотрел на дочь. Она знала, что творилось в его душе. Как и многие отцы, он хотел защитить ее от всего. Она была единственным, что у него осталось. Она хотела бы дать ему хоть немного утешения, немного уверенности, что пойдет по его стопам, усердно выполняя долг перед Руссом и бессмертными. Иногда ей действительно хотелось этого, но космодекантики делали эту задачу чертовски трудной.

— Ты слишком явно выказываешь свои чувства, — посоветовал Морек, качая головой.

— И что ты хочешь, чтобы я делала? — выпалила девушка, стряхнув его руки и нагнувшись к ботинкам. — Если они хотят покорных, пугливых слуг, то выбрали не ту планету. *Фекке*, я дочь *Фенриса*, и у меня горячая кровь. К тому же смертная кровь. Они могут в ней утонуть.

Она подняла глаза, внезапно обеспокоившись, что переступила черту, и увидела, что отец смотрит на нее со странным выражением на лице.

— О да, ты действительно дочь Фенриса, — промолвил Морек, его карие глаза сияли. — Я горжусь тобой, Фрейя. И смертельно боюсь за тебя.

Он оттолкнулся от стены и собрался уходить.

— Быстрее надевай броню и собирай свое отделение. У нас есть час, чтобы принять пост от Одиннадцатой. Не хочу выглядеть плохо перед этим ублюдком Локкборном.

— Так что происходит?

Морек пожал плечами:

— Понятия не имею. Даже ума не приложу.

В Вальгарде с пусковых площадок стартовали корабли. Словно вороны покидали гнездо. «Громовые ястребы» смешались с несколькими оставшимися «Грозовыми птицами», создавая бесконечный поток зазубренных теней на холсте пасленово-синего неба. Тут были и более крупные эскортные корабли типа «Хлаупа», тяжеловооруженные аналоги эсминцев Имперского флота типа «Кобра». Суда такого размера обычно не могли входить в атмосферы планет, но исключительная высота посадочных площадок Вальгарда позволяла им приземляться на Фенрисе. Двенадцать кораблей уже улетели, быстро пустели громадные ангары. Прошло всего семь дней с открытия Къярлскара, а формирование флота уже подходило к концу.

Высоко над процессией атмосферных судов зависли корабли космического флота. Трэллы готовили плазменные двигатели для полета к точке прыжка. Некоторые суда прибыли на сбор совсем недавно, всего лишь несколько дней назад призванные Железным Шлемом с патрулирования. Другие многие месяцы находились на Фенрисе в состоянии боевой готовности. Острые тени ударных крейсеров скользили среди роя меньших судов. Каждый был отмечен символом Великой роты и черной волчьей головой ордена.

В самом центре скопления, отделенный ровными колоннами десантно-штурмовых кораблей, ожидавших разреше-

ния войти в похожие на пещеры пусковые отсеки, находилась гордость ордена, гигантский «Руссвангум». Построенный по проекту, утраченному в катастрофе Ереси, громадный корабль неподвижно застыл в пустоте. Ударные крейсера, тоже серьезные боевые корабли, пролетая под ним, полностью скрывались в его тени. «Руссвангум» господствовал над пространством, словно альфа-самец в своей стае. Как и все подобные корабли космодесантников, этот был создан лишь для одного — с орбиты обрушивать сокрушительную, уничтожающую все и вся мощь на поверхность непокорной планеты. Он проделывал это уже много раз, и его десантные капсулы и торпедные аппараты почернели от частого использования. Все среди Влка Фенрика были хищниками, и «Руссвангум» был, вероятно, самым впечатляющим воплощением их ужасающего размаха и силы. Только легендарный «Храфнкель» обладал большей мощью, но он остался лишь в сагах.

Из башни, расположенной высоко на склоне Ярлхейма, Железный Шлем наблюдал за последними приготовлениями. Он видел тонкие и изящные следы «Громовых ястребов», когда те разрывали атмосферу. Тактические дисплеи вокруг него показывали расположение судов, пока они медленно двигались в эскортном строю. Скоро он тоже займет свое место на флагмане.

Знакомая дрожь оживляла его усиленное путем генной модификации тело. Пройдут долгие дни — даже недели, — прежде чем он сможет целиком обратить свой пыл в боевую ярость. При одной мысли о грядущем побоище холодная ярость воцарилась на его грубом лице.

Они забыли, на что мы способны. Мне будет очень приятно напомнить им об этом.

Любой враг Всеотца возбуждал ярость в сыне Фенриса, но Магнус находился здесь на особом положении. С Тысячью Сынов всегда было так. Саги, которые все еще рассказывали в пещерах Этта, повествовали о предательстве колдунов, об их высокомерии и, что хуже всего, об их побеге. Легион не был уничтожен на Просперо, лишь разбит. Этот позор запятнал Волков более чем на тысячи лет, и не важно,

какие великие дела они совершили с тех пор, неудача преследовала их, словно следы на снежном покрове.

Возможно, если бы предатель Магнус исчез в Оке Ужаса и никогда не объявился вновь, этот позор можно было бы снести. Но он не исчез. Он возвращался в последующие столетия, сея разрушения и оставаясь неуловимым. Меткие удары по имперским мирам не прекращались, и каждый был нацелен на поиск какой-то крупницы эзотерических знаний. Несмотря на тяжелый урон, нанесенный им Руссом, Тысяча Сынов все еще были способны организовывать рейды в защищенный космос, и мысль об этом каленым железом жгла Великого Волка. Она терзала его десятилетиями, и все остальное переставало казаться важным.

Несмотря на все ресурсы, направленные на поимку Магнуса, погоня всегда оканчивалась неудачей. Он всегда оставлял следы, по которым его можно было выследить, дразнящие подсказки и вызовы. На Правии, Дагтегхане, Вреоле, Хроморе. Изменник оставил после себя знаки, насмехаясь над Волками, которые вечно следовали по пятам, но оставались ни с чем.

Мы были терпеливы. Мы долго ждали. И вот теперь ловушка захлопнется.

Краем глаза он заметил, как вспыхнула руна над дверью.

— Входи, — сказал он.

В залу ввалился Стурмъярт. Глаза рунного жреца полыхали яростью.

— Почему? — потребовал он.

Железный Шлем решительно вытянул руки.

— Одаин, — начал он. — Это...

— *Ответь мне: почему?*

Великий Волк вздохнул и щелчком пальцев закрыл двери.

— Ты же знаешь Клинка Вирма. За ним нужен при-
смотр.

Стурмъярт зарычал, оскалившись:

— Как за ребенком? Это для тебя более важно?

— Только ты можешь обуздать его. Он играет с силами, которые могут уничтожить всех нас.

— Но ты сам позволяешь ему это делать.

— Потому что он может преуспеть.

— Вели ему подождать. Прикажи прерваться до тех пор, пока Стая не вернется с Гангавы. Я не дам лишить себя этой чести!

Железный Шлем покачал головой:

— Это переломное время. Щенок — его протеже, и мне нужна мудрая голова, что будет держать Этт под контролем. Ты не полетишь с нами.

Стурмъярт зарычал, и вспышка желтой энергии скользнула по его груди. Железный Шлем почувствовал огонь разочарования, пылавший в теле рунного жреца.

— Не делай этого, — настаивал он, изо всех сил стиснув свой посох.

У Великого Волка брови поползли вверх: Стурмъярт никогда прежде не отказывался подчиниться приказу.

— Одаин, ты угрожаешь мне? — промолвил он, позволив нотке вызова прозвучать в голосе.

С мгновение Стурмъярт стоял неподвижно, уставившись на него с перекошенным яростью лицом. Наконец он с неохотой опустил глаза и с отвращением плюнул на пол.

— Ты не понимаешь, — пробормотал он. — Колдуны. Они берут элементы и портят их. Это мои враги.

Железный Шлем внимательно посмотрел на рунного жреца. Стурмъярт в сердце своем был воином, неуступчивым, бесстрашным прерывателем нитей, но он должен знать, кто командует Стаей.

— Нет. Они — надежда для всех нас. Фрей будет там, и остальные рунные жрецы тоже. А ты нужен здесь.

Стурмъярт стиснул кулаки, и новые потоки стихийной энергии пробежали по перчаткам. Он старался сдерживать гнев, но тот причинял ему боль.

— В качестве няньки для Клинка Вирма, — горько выплюнул он.

— Нет, брат, — ответил Железный Шлем. — Клинок Вирма играет очень опасными вещами. Если он ошибется, ты должен быть около него. Ты должен за ним присматривать.

Разочарование на лице Стурмъярта сменилось изумлением.

— Ты слышал меня, — сказал Железный Шлем. — Что бы ни думал Грейлок, ты будешь здесь моей опорой. Мы должны помнить Волчьих Братьев, их неудачу и ее причины. Я не допущу, чтобы на эту дорогу ступили и мы.

В глазах Стурмъярта засветилось сомнение.

— Ты думаешь, он...

— Клинок Вирма так же предан, как Фреки, — промолвил Железный Шлем, расслабившись, когда увидел, что гнев рунного жреца поутих. — Но мы должны присматривать за ним ради будущего.

Он подошел к Стурмъярту и положил тяжелую руку ему на плечо.

— Я делаю это, потому что могу доверять тебе, брат, — прошептал он, наклоняясь ближе. — Из всех Волков больше всего я доверяю тебе. Ищи правду в вюрде, если хочешь, и поймешь: Укрощение — это наша судьба.

Стурмъярт заглянул Великому Волку в глаза. Он все еще не смирился, но подчинится приказу.

— Так значит, у меня все полномочия, лорд? — спросил он.

Железный Шлем мрачно улыбнулся.

— У нас всегда все полномочия, — промолвил он.

Клык не имел себе равных — громадное переплетение туннелей, шахт и помещений, пронизывавших пик до самого верха. Но при всем том крепость была крошечной в сравнении с гигантским массивом горы, и лишь самые верхние уровни были приспособлены для жизни. По большей части Волки обитали в недрах горы, и их лежбища прятались под километрами скального монолита. Только на самой вершине, на уровне Вальгарда, искусственные сооружения выходили на поверхность. Именно там располагались мощные посадочные площадки и стыковочные причалы, лепившиеся вокруг массивных башен, которые на сотни метров вырастали из каменного тела горы. Древние приводные механизмы обслуживали шахты, уходившие вниз. По ним поднимали материалы и боевую технику из складов в глубине горы и загружали на ожидавший в ангарах транспорт. Тут всегда

кипела работа, свидетельство неугомонного духа Волков и их бесконечных путешествий в мире звезд.

Хаакон Гилфассон стоял у края одного из таких ангаров, наблюдая за десятками трэллов и сервиторов, копошившихся на источавших пар корпусах кораблей, подобно насекомым на трупах. Дюжины судов уже улетели, и большинство оставшихся предназначались для боевого флота. Двенадцатой роте оставили очень мало кораблей, большая их часть были самыми медленными и слабо вооруженными из всей армады. На орбите для охраны планеты останется только один ударный крейсер — «Скрэмар» с эскортом из дюжины судов поменьше.

Гилфассону такое решение казалось разумным. Но вот с чем он был совсем не согласен, так это с реквизицией «Науру». Это было прямо-таки личным оскорблением.

— Прошу прощения, лорд, — в третий раз повторила кэрл, напряженно вглядываясь в инфопланшет перед собой и избегая зрительного контакта с Гилфассоном. — Это часть реквизиции. Великий Волк...

— Дай-ка я кое-что скажу тебе, — мрачно промурлыкал Гилфассон. Он говорил не как обычный космодесантник, и в нем не было ничего ужасающего, в отличие от остальных воинов. Он был смуглым, с густой спутанной шевелюрой, более стройным, чем большинство членов Стаи, даже будучи облачен в полный панцирный доспех скаута. Выдавали его только глаза — пылавший янтарь с черными зрачками. Ни у кого, кроме сынов Русса, не было таких глаз. — Я не самый милый человек. И не обладаю великодушием моих братьев. Я мало времени провожу с ними, как и они со мной.

Кэрл выглядела так, словно с огромным удовольствием оказалась бы в любом другом месте, но только не здесь. Но тем не менее она уважительно выслушивала Волка.

— Так что не думай, что я не приму это близко к сердцу. Не думай, что я не выясню, кто твой ривенмастер, и отправлю тебя на месяц во внешний патруль в Асахейм. Мне нужен этот корабль. Это мой корабль! Он останется здесь!

Кэрл внимательно взглянула в планшет, словно какая-то новая информация на экране смогла бы ей помочь. В пятидесяти метрах за ее спиной возвышался сам «Науро», стоявший на площадке ангара и мягко испускавший потоки пара. Он не походил ни на один из кораблей, ожидавших на пласткрите. В отличие от всех судов флота, выкрашенных в серый металлик, этот корабль был угольно-черным. Его класс был неопределенным — маловат для фрегата, великоват для трансатмосферного корабля, и вмещал он всего пятьсот членов экипажа. С низкой посадкой, как будто льнувший к земле, с плоским профилем, необычайно узкий. Почти треть его длины занимали плазменные двигатели. Благодаря таким пропорциям корабль был удивительно быстр. И именно за это его любил Гилфассон.

— Ты не найдешь там того, что ищешь, — терпеливо промурлыкал Волк, наблюдая, как кэрл тянула время.

Она уныло взглянула на космодесантника. Женщина была сложена, как большинство обитателей Фенриса. Ширококостная, с мощными плечами. Она побывала в сражениях, судя по черепам, вышитым на униформе, поэтому мало что в галактике могло вывести ее из равновесия. Но общение с Небесным Воином явно входило в число этих исключений.

— Чернокрылый, оставь ее в покое, — раздался из-за спины кэрла металлический голос.

Со скрипом гудела броня, когда железный жрец Гаръек Арфанг шагал по площадке. Хоть он был в древнем шлеме IV типа «Максимус», Гилфассон чувствовал, что жрец веселился. Где-то там, под всеми этими слоями брони и аугментики, космодесантник улыбался.

— Не вмешивайся, жрец, — предостерег его Гилфассон. — Это мой корабль.

— Ты скаут, — прямо промолвил Арфанг. Кэрл воспользовалась представившейся возможностью и оставила воинов наедине. — Ни один из кораблей не принадлежит тебе.

— Никто не летает на нем так, как я.

— Что правда, то правда. Посему радуйся, что ярл Ойррейссон не захотел его взять. Вместо этого он берет «Хла-

упу». Это судно развалится после первого же выстрела, но когда дело касается технологии, у ярла отказывает вкус.

Гилфассон подозрительно воззрился на Арфанга.

— Так значит, его не реквизировали?

— Уже нет.

— Тогда что случилось?

Из шлема Арфанга раздался скрип, похоже, заменявший железному жрецу смех.

— Ярл Грейлок захотел, чтобы ты остался в патруле системы. Ты и остальные скауты. Я выяснил, что ему не нравится, когда Этт остается без защиты.

Гилфассон широко улыбнулся.

— Снова на космическую службу! — воскликнул он, довольно поглядывая на «Науро» и думая о долгих свободных часах далеко от духоты Клыка. — Ты даже не представляешь, как меня это радует.

Грейлок стоял в Зале Стражи, омываемый потоком белого света, ниспадавшего с крыши. Верхняя часть помещения и потолок терялись во тьме. В тени поспешно сновали трэллы, уткнувшиеся в инфопланшеты и негромко переговаривавшиеся. Расположенные вдоль стен экраны мерцали быстро обновлявшейся информацией, сообщая о движении флота к точкам прыжка. Один за другим зеленые индикаторы превращались в красные.

— Открыть канал с флагманом! — велел Грейлок.

Трэллы кинулись выполнять приказ. Мерцание иконки сообщило ему, что связь налажена.

— Лорд, — промолвил он, придерживаясь почтительного тона, что усвоил в Совете, — мы получили сигналы о полном сборе. Вы можете покинуть орбиту.

— Подтверждено, — пришел потрескивающий голос Железного Шлема с мостика «Руссвангума». — Мы скоро уйдем, и на Этте станет тихо и спокойно. Как раз как ты любишь.

Грейлок улыбнулся:

— И правда. Мне нужно закончить охоту.

Раздался резкий взрыв помех на другом конце линии. Возможно, это было насмешливое фырканье.

- Ты пропустишь все самое интересное.
- Может быть. Да защитит тебя длань Русса, лорд.
- И всех нас.

Связь прервалась. Грейлок несколько мгновений стоял неподвижно. Его худое лицо было задумчивым.

А затем пикты ожили, неся новую информацию. Приборы показывали многочисленное движение. Флот отбывал.

К неподвижному волчьему лорду подошел трэлл и поклонился.

— Лорд, обзор орбитальной сети готов, — сообщил он, не отрывая глаз от пола. — Вы можете проверить, когда будете готовы.

Грейлок кивнул, едва замечая фигуру перед собой. Взгляд белых глаз был прикован к скале. Камень оставался столь же гол и неприукрашен, как в день создания этого зала.

Пролетевшие столетия мало изменили Этт. Почти все оставалось таким же, как во времена Русса. Этт был таким же холодным, полупустым и продуваемым ледяными ветрами Фенриса. Нижние уровни вообще не использовались, и даже Клинок Вирма не знал, что сохранилось в самых глубоких шахтах и залах.

Мы не развиваемся. Остаемся прежними.

Трэлл помедлил еще мгновение, прежде чем поспешить прочь. Его сменила другая фигура, намного больше. Тяжелая поступь Россека эхом разнеслась по залу.

— Тромм, — промолвил Грейлок, очнувшись от своих мыслей.

- Ярл, — отозвался волчий гвардеец.
- Ты нашел Когтям дело?
- Они колотят друг дружку в пещерах.
- Отлично. Вот и занимай их этим.
- А потом?

Грейлок воззрился на своего подчиненного. Россек обычно так и пылал энергией.

- Ты не согласен с моим решением, — промолвил он.
- Выражение лица волчьего гвардейца не изменилось.

- Кто-то же должен охранять Этт.
 - Но ты не считаешь, что это должны быть мы.
 - Нет, не считаю, раз уж ты позволил мне высказаться.
- Грейлок кивнул.
- Что еще? Говори.

Россек посмотрел ему прямо в глаза, как всегда. В его взгляде отчетливо светился упрек.

— Лорд, у нас меньше трофеев, чем у других рот, — промолвил он. — Поговаривают, что нам не хватает духа. Говорят, что твоя кровь холодна.

- И кто же так говорит?
- Так, слухи.

Грейлок вновь кивнул. Слухи были всегда. С самого момента вступления в ряды Кровавых Когтей ему пришлось сражаться за свою честь, опровергая обвинения, что он не настоящий Волк, что Хеликс не прижилась должным образом, что он был скорее существом из льда, нежели истинным воином Стаи из крови и плоти. Но давно миновали те дни, когда подобные пересуды могли его беспокоить.

— Слухи те же, что и всегда. Почему же ты обращаешь внимание на них сейчас?

Россек выдержал его взгляд.

— Нам нужно быть осторожнее, — выдавил он. — Другие ярлы...

— Забудь о них. — Грейлок положил облаченную в перчатку ладонь на руку волчьего гвардейца. Глухо звякнул керамит. — У нас нет причин для уныния. Есть больше способов сражаться, чем перечислено в сагах. Галактика меняется. Мы должны меняться вместе с ней.

Грейлок почувствовал, как в душе Россека зашевелилось беспокойство. Гвардеец не любил таких разговоров. Никто из Волков, с их приверженностью к традициям, не любил. Только давнее братство воинов удержало Россека от того, чтобы сказать больше, выступить против способа ведения боевых действий, который Грейлок навязывал Двенадцатой.

— Тромм, ты доверяешь мне? — мягко спросил Грейлок, не убирая руку.

Мгновение промедления.

— Всей моей жизнью, лорд.

Его янтарные глаза не моргнули. Грейлок удовлетворился этим. В войне были сомнения, они вились, словно вороны над падалью, но сердце его оставалось верным. Так было всегда, даже после того, как Грейлок победил его с небольшим перевесом голосов на выборах на пост ярла после ухода старика Ойи Аркенджо. Если бы выборы были проведены снова, Россек, несомненно, победил бы. Старый вояка всегда утверждал, что не хотел такой чести. Но все могут передумать.

— Хорошо, — промолвил Грейлок, ослабляя хватку и отпуская руку. — Ты нужен мне, Тромм. Вы все нужны. Когда Железный Шлем вернется из своей безумной скрегр-охоты, кое-чему придется измениться. Мы не можем вечно охотиться за призраками прошлого. Ты поймешь, если подумаешь.

Россек ничего не ответил. Такой разговор заставил его почувствовать неловкость, и Грейлок знал, что нельзя давить слишком сильно.

С экранов на стенах зала исчезли последние сигналы, когда арьергард флота отбыл к точкам прыжка. Грейлок почувствовал волну удовлетворения, и часть его забот свалилась с плеч.

Кампания Железного Шлема развивалась по плану. Этт остался в руках Грейлока.

THE HOBUS HERESY

Graham McNeill
THE OUTCAST DEAD

The truth lies within

New York Times bestselling author

Глава 1

КРЫША МИРА МАЛЫШКА ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Путники преодолели окаменевшие леса Уттаракханда¹ и бесплодные радиоактивные пустыни Уттар-Прадеш. С каждым днем приближаясь к крыше мира, они ступили в долину Брахмапутры. Поднялись на плоскогорье Тераи-Дуара², занятое корабелами Механикум под сухие доки для ремонта судов. Прошли через залитые светом ацетиленовых ламп железные храмы и поднялись еще выше, в разреженный воздух Бхабхара, где землю пересекали сухие русла, по которым когда-то давно талая вода сбегала с самых высоких вершин в долину.

В прежние времена здесь царила пышная зелень субтропических лесов, но древние войны уничтожили на поверхности мира почти все живое. Океаны испарились, континенты выгорели, и все, что отличало эти земли, исчезло в процессе сражений, но мир выжил. В этом лесу преобладало дерево ашока³, любимое дерево древнего бога давно исчезнувшей империи, когда-то занимавшей окрестные земли.

Один из старинных мифов этой империи гласил, что величайшая из его правительниц дала жизнь смертному богу,

¹ *Уттаракханд* и *Уттар-Прадеш* — штаты в Северной Индии.

² *Тераи-Дуар* и *Бхабхар* — экологические районы в предгорьях Гималаев.

³ *Ашока*, или сарака индийская (*лат.* *Saraca indica*) — вид растений рода сарака (*Saraca*) из семейства бобовых. Под деревом ашока, согласно легенде, родился Сиддхартха Гаутама — Будда.

держась за ветви дерева ашока в деревне племени шакьев¹. Этот бог основал новую религию, но от его учений уже ничего не осталось, и даже нельзя было сказать, был ли этот бог жестоким или милостивым.

Путники ничего не знали об истории этого района, а Бхабхар давно превратился в унылый рабочий лагерь, простиравшийся насколько хватало глаз. Миллионы ремесленников, чернорабочих и неуклюжих мигоев² собирались в городах из полотна и пластальных блоков, составляя мускульную силу, при помощи которой преобразовывались дальние горные отроги.

Еще выше, на горных склонах Шивалика³, где путники остановились на ночь среди статуй, окаймлявших путь к Читвану⁴ перед последним переходом через ущелье к хребту Махабхарата Лекх, находились первые из Великих Врат, возвышавшиеся среди титанических вершин, словно мрачный портал в логово спящего гиганта.

Это были Врата Прим, и в более спокойные времена солнечные лучи играли на их серебряной облицовке и украшениях из ляпис-лазури, словно в каплях росы первого утра творения. Но сейчас сверкающая облицовка скрылась под адамантиновыми панелями, а резные украшения, первыми указывавшие на близость Императорского Дворца, были заперты в надежных подземных хранилищах. Вдоль зубчатых стен встали высокие краны и громоздкие подъемники, а с фосфорных факелов рассыпались каскады искр.

Перед Вратами собирались тысячи просителей и соискателей, и все терпеливо ждали своей очереди, чтобы пройти сквозь это величественное сооружение. Не всем было суждено подняться к высоко стоящему дворцу. Для кого-то подъем оказывался чересчур трудным, а кто-то не мог вынести чудес,

¹ *Шакья* (Сакья) – в Древней Индии род и государство в пределах современных границ Индии и Непала. Из рода шакья происходил Сиддхартха Гаутама.

² *Мигой* – тибетское название для дикаря-туземца и йети.

³ *Шивалик* – буквально «принадлежащее Шиве» – горный хребет, южнейшая, самая геологически молодая и самая низкая ступень Гималаев.

⁴ *Читван* – национальный парк Непала.

представавших перед путниками после долгой дороги. За просителями наблюдала фаланга солдат в сверкающих кирасах, украшенных нефритом и слоновой костью, и в воздухе ощущалась пугающая напряженность неизвестности. Сквозь толпу шел воин, облаченный в полный золотой доспех, его высокий алый плюмаж выделялся, словно пятно крови на снегу.

Никогда еще створки Врат Прим не смыкались перед просителями, и сам факт их закрытия свидетельствовал о том, что ось Галактики сместилась. У человечества появился новый враг, который скрывался под знакомой личиной и чьи агенты уже сейчас могли находиться в толпе.

Граждане Терры уже не могли свободно передвигаться во владениях своего повелителя.

До сих пор на пути к горным вершинам усиленные меры безопасности, предпринятые для охраны континентального Дворца Императора, почти не коснулись путников, но сейчас они подошли слишком близко к этому сияющему сердцу Империи, чтобы остаться незамеченными. К дворцу стекались миллионы сезонных рабочих, и каждый подвергался досмотру.

Однако прохождение через Врата Прим не вызвало у путников никаких затруднений, поскольку они предъявили документы, скрепленные печатью одного из самых уважаемых Домов навигаторов, и ее аметистовый уровень обеспечил весьма уважительное отношение привратников. Хотя сам проход через Врата занял несколько часов, и лишь по истечении этого времени их глазам предстал Императорский Дворец во всем своем величии.

Дворец описывали как корону из света на вершине мира, как целый континент непревзойденного архитектурного искусства и величайшее достижение человечества, но никакие сравнения были не в силах передать его эпической необъятности и безмерного благоговения, вызываемого самим фактом его существования. Многие из просителей, всю свою жизнь стремившиеся увидеть дворец, не могли двинуться с места, едва пройдя через его главные ворота; один только вид окраинных переходов, башен и помещений дворца повергал их в

состояние, близкое к обмороку. Это монументальное сооружение выходило далеко за рамки человеческого восприятия и выглядело как созданное богами и принадлежащее им.

Позади плато Брахмапутры, где располагались доки и посадочные площадки, вздымались величайшие горы мира: Голая, Черный Великан, Бирюзовая Богиня и, наконец, высочайшая из них – Святая Мать¹. Ни одна из них не избежала внимания Механикум и военных каменщиков Императора – их вершины были сглажены, а недрах пробиты глубокие шурфы для крепления фундамента дворца.

– Впечатляет, – произнес с заднего сиденья роскошного бронированного скиммера Беллан Тортега.

Кай Зулан задержал на хирургеоне полный ненависти взгляд.

– Я тебя ненавижу, – сообщил он.

Кабина скиммера изнутри была отделана панелями из дорогих пород дерева, металлические плоскости украшены платиновыми накладками, на вмонтированных пикт-экранах сменяли друг друга снимки неземных пейзажей. Мягкие сиденья покрывала обивка из бархата аметистового цвета с вышитым золотым крестом Дома Кастана. Приглушенный свет создавал уютную атмосферу, а щедро укомплектованный охлаждаемый бар был способен скрасить самую долгую поездку. Единственное, что портило впечатление от элегантного интерьера, это присутствие на борту четырех вооруженных солдат в форме Дома Кастана.

Их аугментированные фигуры, казалось, заполняли все пространство салона сверкающими гранями панцирей и оружия. Дом Кастана, будучи одним из самых почтенных семейств Навис Нобилите, без труда мог позволить себе дорогостоящие услуги Механикум по модификации бойцов для своей службы безопасности. Лица охранников скрывались под блестящими визорами черных шлемов. Доспехи воинов – как и весь скиммер – были пронизаны проводами

¹ Величайшие вершины Гималаев: Нанга Парбат, Макалу, Чо-Ойя и Джомолунгма.

кристаллических пси-глушителей, предотвращавших нежелательное психическое влияние.

Эти люди, как предполагалось, должны были обеспечивать его безопасность, но боевые дробовики, взятые на изготовку, не оставляли у Кая никаких сомнений в том, что он всего лишь пленник. Он откинулся на мягкую спинку широкого кресла, но понял, что не в состоянии насладиться комфортом, который раньше принимал как должное. Кай качнул янтарный амасек в резном хрустальном бокале, стоимость которого превышала годовой заработок среднего горожанина Терры. Неожиданно появилось желание бросить бокал в окно, но этот жалкий мятеж не мог вызвать ничего, кроме дополнительного раздражения.

Кроме того, алкоголь приглушал боль психического истощения, преследующую его с самого возвращения на Терру.

Сидевший напротив Кая Зулана Беллан Тортега с нескрываемым восхищением смотрел в окно. Сразу видно, что хирургeon впервые посещает Дворец. Он уже двадцать часов, с того самого момента, как они миновали Врата Прим, не перестает перечислять общеизвестные достопримечательности и вслух удивляется многолюдности дворцовых окраин. Их поездка началась на плато Брахмапутра, и с того момента с лица Кая не сходило выражение нарочитой скуки. Он знал, конечно, что удостоился великой чести – взглянуть на колыбель человечества, – но был настолько погружен в свои горестные раздумья, что почти не обращал внимания на окрестности.

– Я уверен, что этот крытый амфитеатр, окруженный террасой, и есть Инвестиарий, – произнес Тортега. – Лица статуй примархов задрапированы.

– Зачем? – спросил Кай.

– Что ты имеешь в виду?

– Интересно, зачем драпировать лица статуй? Как будто они что-то видят.

– Это символика, Кай, – ответил Тортега. – Это говорит о желании Императора защитить своих сыновей от предательства собственных братьев.

— По мне, это говорит о напрасной трате времени. Я думаю, Императору есть над чем подумать кроме этого бессмысленного символизма.

— Кай, знаешь, в чем самая большая из твоих проблем? — со вздохом спросил Тортега.

— Мои проблемы мне прекрасно известны, добрейший хирургeon, — огрызнулся Кай. — И ты не устаешь мне напоминать о них каждый день.

— Ты даже не сознаешь, как тебе повезло, — продолжал Тортега, словно не слыша.

Кай проглотил резкое возражение и налил себе еще ама-сека.

— У патриарха Вердучины имелись все основания вычеркнуть тебя из рядов Телепатика. Он дал тебе шанс. И что же ты наделал? Уже на следующий день попался в руки пси-гончих.

В медицинской лаборатории Дома Кастана, расположенной на скалах Киприоса, Кай обычно старался предотвратить подобные лекции, но в силу охватившей его с течением времени апатии стал понимать, что заткнуть Тортегу практически невозможно.

— Как ты считаешь, получил бы ты зрительную аугментацию, если бы не Дом Кастана? — продолжал Тортега. — Но попомни мои слова: стоит тебе рассердить старейшин, и они заберут приборы. Ты должен быть благодарен, молодой человек, и пора это понять, пока не стало слишком поздно.

— Уже поздно, — заметил Кай. — Подумай только, где мы теперь и что меня ждет.

— Мы в сердце родного мира, Кай. Как только Империиум воссоединит свои владения и эта глупая война закончится, люди снова наводнят эти места, — сказал Тортега.

С этими словами он наклонился вперед и положил руку на колено Кая. Ничем не оправданная фамильярность хирургеона заставила Кая вздрогнуть от боли.

— Не прикасайся ко мне, — сказал он. — Неужели ты ничего не знаешь о телепатах? Или хочешь, чтобы мне стали известны все твои грязные секреты?

Тортега отдернул руку, и Кай покачал головой:

— Идиот. У меня нет дара психометрии, но ты испугался, не так ли? Что ты скрываешь от старика Вердучины? Злоупотребление лекарствами? Недозволенные связи с пациентами? Сексуальные девиации?

Хирургeon покраснел, а Кай рассмеялся.

— Ты жалкий человечиска, Тортега. Думаешь, что Вердучина ценит тебя? И таких, как ты? Да ты для него ничего не значишь, просто один из функционеров, которого легко заменить. Вряд ли он даже помнит твое имя.

Тортега напряженно выпрямил спину, но сдержался и не клонул на наживку. Вместо этого он вернулся к созерцанию окрестностей.

— Посмотри, — оживленно произнес Тортега, — там стоит Хамазанская усыпальница. Я видел пикты, но они не передают ее грандиозного масштаба. Невозможно оценить гармонию пропорций этого сооружения, пока не увидишь его своими глазами. А вон там, как мне кажется, обрамленная колоннами, золотыми шпилями и скорбными часовнями дорога к Башне Астарес. Говорят, что именно здесь состоялся последний разговор Императора с примархами, прежде чем флотилии разлетелись к отдаленным уголкам Галактики. В торжественном произведении Кински «Двадцать героев» рассказывается о дне, который Император провел со своими сынами.

— Могу поспорить, он хотел бы их продлить, — равнодушно ответил Кай, поставив опустевший бокал на полированную подставку.

Он хотел выпить еще, готов был опустошить всю бутылку, лишь бы заглушить боль.

— О чем это ты? — спросил Тортега.

— Если бы Император провел с Хорусом Луперкалем не один день, а чуть больше, мы, возможно, не оказались бы в такой жуткой ситуации.

— Тише, — зашипел Тортега. — Нельзя говорить таких вещей, по крайней мере не здесь.

— А кто может меня остановить?

Тортега покачал головой.

— Какую радость ты получаешь от таких провокаций? Кай пожал плечами.

— Я просто хотел сказать, что если бы Император проводил с примархами больше времени, они бы, возможно, не стали поднимать против него бунт. Не думаю, что мои слова можно считать изменой.

— Кто сегодня может определить, в чем состоит измена? — вздохнул Тортега.

— А ты спроси у Воинства Крестоносцев, — посоветовал Кай. — Я почти уверен, что они смогут дать ответ.

Дорога к месту назначения заняла у них еще один день, и все это время Тортега посвятил составлению перечня чудес, которых он, вероятно, больше никогда не увидит: Зимняя галерея, гробница Упанишад, Зал Просителей, Хрустальная обсерватория, почерневшая от огня Община, Длинный дом и Кузница Плоти и Стали, где был окончательно подписан пакт между Механикум Марса и Террой. Двуглавый орел на замковом камне был вырезан из оуслита и порфира. В угасающих лучах заката он казался окровавленным.

Приближение Города Зрения Кай почувствовал задолго до того, как тот появился над горизонтом. Словно выжженное пятно в кипучей активности муравейника. Пси-глушители скиммера блокировали мысли миллионов рабочих, писцов, техников, ремесленников и солдат, трудившихся в стенах Дворца, но Кай все же улавливал глухой шум многочисленного населения.

Поблизости от штаб-квартиры Адептус Астра Телепатика не было слышно ничего, казалось, что в этой заброшенной части Дворца нет никаких признаков жизни. Но Кай, обучаясь использовать свои способности на благо Империи, провел среди этих унылых башен почти десять лет и знал, что это не так. Мысленно возвращаясь в те дни, он ощутил мимолетное дыхание ностальгии, но тотчас прогнал его, поскольку возвращение получилось не слишком радостным.

В других частях Дворца вся архитектура славилась Единство, достижения человечества, триумфы Крестового похода, но строители Города Зрения, казалось, приложили все уси-

лия, чтобы их произведение угнетало душу. Во владениях астропатов не было ни статуй, ни украшений, и когда скиммер нырнул под обсидиановую арку, Кай не испытал ничего, кроме глухого отчаяния. Тортега энергично вертел головой, стараясь рассмотреть чащу железных башен, мрачные мансарды и безмолвные магистрали между ними. Улицы Дворца за пределами внутренних стен города кипели неумолкающей и напряженной жизнью, а здесь попадались лишь одинокие призраки в зеленых одеяниях с капюшонами.

— С этими местами у тебя, верно, связано немало воспоминаний, — сказал Тортега.

Кай кивнул:

— Нет, я действительно тебя ненавижу.

Глупо было находиться на улице в такое позднее время, но Роксанне ничего не оставалось, как рискнуть и выйти в темноту. Впрочем, в Городе Просителей никогда не было по-настоящему темно. На стенах вокруг плясали отблески костров, а на крючках импровизированных столбов покачивались прикрытые колпаками светосферы.

Дым от химических горелок льнул к перекошенным строениям из модульных панелей, добытых на свалке Механикум и под стенами дворца. С самого высокого здания в туманную мглу, повисшую над необычным городом, поднимался штырь антенны, и привязанная к нему гирлянда флажков тщетно пыталась сгладить впечатление запустения. Ближайшая стена была густо заклеена старыми плакатами и небрежно отпечатанными листовками Лектицио Дивинатус.

Все чувства Роксанны убеждали ее не покидать безопасное убежище, какое представлял собой храм, но плач детишек Майи не оставлял ей другого выхода. Болезнь, терзавшая их маленькие тела, обострялась все сильнее, и без медицинской помощи дети могут умереть до наступления утра. Два тельца уже лежали у подножия Безучастного Ангела, а их мать рыдала и жаловалась, глядя в пустое лицо статуи.

Палладий рассказал Роксанне, как добраться до дома Змеи, и она старалась не отступать от его указаний. Она еще никогда

не отходила так далеко от храма, а потому испытывала одновременно страх и сильное возбуждение. Для девушки, которая всю жизнь была фактически пленницей своей семьи, ощущение опасности было равносильно глотку опьяняющей свободы.

А в городе не только не было настоящей темноты, но и полной тишины тоже.

Где-то раздавался лязг металла, плакали дети, кричали их матери, безумные проповедники читали проповеди, пьяницы громко выкрикивали непристойные ругательства. Роксанна прочла в семейной библиотеке множество книг о городах Старой Земли, о том, как миллионы людей жили в переполненных трущобах бок о бок в вопиющей нищете.

Как говорили ее наставники, тщательно выбранные семьей, это была древняя эпоха, предшествующая приходу Императора. Но не так давно открывшиеся глаза Роксанны не замечали разницы. Ей казалось абсурдом, что у стен Дворца, олицетворяющего новую эпоху прогресса и просвещения, царят нищета и убожество. Золотое сияние Дворца окутывало сверкающей иллюминацией творения величайших архитекторов, но на Город Просителей не падало ни отблеска от этого сияния, ни клочка славы, завоеванной армиями Императора в разных концах Галактики.

Роксанна задумалась, не послала ли ее семья кого-нибудь за ней вдогонку, не прочесывают ли агенты отца улицы города в поисках его своенравной дочери. Возможно, но вряд ли. Еще не забылся скандал после ее предыдущей выходки, и она знала, что некоторые члены семьи были бы счастливы, если бы она навеки затерялась среди этих грязных улиц.

Она прогнала из головы посторонние мысли и сосредоточилась на дороге.

В этот поздний час на улицах города и без того достаточно опасно, так что не стоит позволять себе задумываться о несправедливости мира или о той жизни, от которой она отказалась. Теперь ее жизнь здесь, и она так далека от прошлого, как только можно себе представить.

В своем грязновато-коричневом одеянии с наброшенным на голову капюшоном, какого она и представить себе не мог-

ла еще несколько месяцев назад, Роксанна ничем не выделялась среди остальных прохожих. Немногие встреченные ею люди опасливо избегали ее взгляда и старались разминуться как можно быстрее. Она и сама низко опустила капюшон, скрыв лицо в тени, и шла ссутулившись, как было принято среди местных обитателей.

Чем меньше она будет привлекать внимания, тем лучше.

Дом Змея находился в глубине территории Дхакала, и по пути туда Роксанна меньше всего на свете хотела попасться на глаза кому-нибудь из людей Бабу. В лучшем случае они сразу же убьют ее и ограбят, в худшем – задержатся, чтобы изнасиловать, а потом спихнут изувеченный труп в канаву.

Роксанна видела тело девушки, которая столкнулась с Гхотой, самым безжалостным пособником Бабу. Трудно поверить, что человеческое существо способно совершить подобную жестокость. Отец девушки принес тело в храм и оставил там вместе со всем своим имуществом. Палладий, прекрасно понимая, куда он собирается, попытался его остановить, но горе отца было сильнее. В ту же ночь его обезглавленное тело было найдено на границе территории Дхакала висящим на железном крюке.

Да, после захода солнца в Городе Просителей было очень опасно выходить на улицы, но малыши Майи нуждались в контрбиотиках, и купить лекарство достаточно чистое, чтобы оно принесло пользу, можно было только у Антиоха. Старик заламывал безумные цены, но, когда дело касалось детей, Палладий не обращал на это внимания.

В конце концов, за жизнь заплатишь любые деньги, тем более что в храме никогда не ощущалось их нехватки.

Обездоленные не жалели монет, словно боялись, что любое проявление скупости может каким-то образом помешать их умершим близким обрести покой. Имперское Кредо отказывало людям в загробной жизни, утверждая, что смерть – это конец пути, но Роксанна не была в этом уверена. Она заглядывала в мрачное царство, лежащее за легкопреодолимыми границами реальности, и видела вещи, которые заставили усомниться в том, чему ее учили.

Она заметила, как участилось ее дыхание и сильнее забилось сердце, и постаралась прогнать опасные мысли. Подавляемые воспоминания стремились вырваться на поверхность: лишенные кожи тела в огненной пропасти, влажно поблескивающие внутренности, свисающие из рассеченных животов, и опустошенные черепа. Роксана заставила себя сосредоточиться на внешних признаках пути, по которому шла.

Она бросила взгляд на стену, размалеванную граффити, и в памяти всплыл запах крови и резкий запах озона, когда рухнула защита. Картина на стене изображала громоздкие фигуры Астартеc на вершине только что покоренного мира и была очень яркой и грубоватой в своей энергетике, пусть и лишенной эстетических достоинств. Невежественный художник явно не видел настоящих Астартеc, поскольку на картине закованные в броню воины были одного роста со смертными солдатами.

Роксана воочию видела непостижимую мощь легионеров Астартеc, знала, какие это неестественно громадные и уродливые, словно орки, существа, но при этом удивительно ловкие и быстрые. Не говоря уже о том, что чудовищно сильные.

Настенную живопись уже кто-то испортил, закрыв несколько фигур мазками побелки и лозунгами, утверждавшими, что Император защитит. Под ними почти полностью скрылся пурпур Детей Императора и лазурь доспехов Пожирателей Миров, но белые и охристо-зеленые доспехи Гвардии Смерти виднелись между грубыми мазками побелки. Голова Лунного Волка с распахнутым в вое ртом тоже выглядывала из-под белой кляксы, а лицо Железного Воина отвалилось вместе со штукатуркой и кусками рассыпалось по утопанной земле.

Дыхание Роксанны немного успокоилось, и она прикоснулась рукой к картине, надеясь, что надежная прочность стены поможет ей вернуть равновесие. Закрыв глаза, она прислонилась лбом к шероховатой поверхности кирпичной кладки, медленно вздохнула и представила себе бескрайнюю пустыню. Металлический привкус крови исчез, уступив место запахам жареного мяса и застарелого пота, к которым примешивался едкий дым бакковых палочек.

— В пустыне нет жизни, — произнесла она, повторяя давным-давно заученную мантру. — В пустыне нет никого, кроме меня, и ничто не может ко мне прикоснуться. Никто меня не потревожит.

— К несчастью, ты далеко не в пустыне, малышка, — раздался за ее спиной чей-то хриплый голос.

Роксанна в испуге развернулась, и все мысли о пустыне и душевном равновесии мгновенно разлетелись, словно листья на осеннем ветру. К противоположной стене прислонились трое мужчин в тяжелых меховых шкурах поверх парусиновых рабочих комбинезонов. Все трое курили, и голубоватый дым облаком повис над их головами. У них были смуглые обветренные лица, и массивные фигуры, казавшиеся неуклюжими, но Роксанна сразу поняла, что перед ней не обычные пьяницы или грабители.

— Я не ищу неприятностей, — заговорила она, подняв руки ладонями наружу.

Они рассмеялись, а один, с узкими глазами и длинными висячими усами, шагнул вперед. Он небрежно выплюнул окурок.

— Плохо дело, малышка, неприятности сами тебя нашли.

— Прошу вас, — обратилась к ним Роксанна, — если вы люди Бабу Дхакала, вы должны идти своей дорогой. Поверьте, если вы оставите меня в покое, так будет лучше для всех.

— Если тебе известно, что мы работаем на Бабу, ты должна бы знать, что просто так мы тебя не отпустим, — возразил усатый, подзывая жестом своих спутников.

Роксанна заметила тяжелые пистолеты на поясах поверх комбинезонов и грубо вырезанные самодельные рукоятки, торчащие из ножен на бедрах. Предводитель вытащил блестящий кинжал с загнутым лезвием, поднес его ко рту и провел пожелтевшим языком по острой кромке. Струйка крови спустилась по губе на подбородок, а мужчина оскалил покрасневшие зубы.

— Ты ведь из церкви мертвых, малышка, верно? — спросил он.

— Да, я из храма Печали, — подтвердила Роксанна, стараясь говорить как можно спокойнее. — Поэтому вы и должны меня пропустить.

— Слишком поздно, малышка. Как я понимаю, ты направляешься к Антиоху, а это значит, что у тебя с собой монеты, соответствующие его ценам. Отдай их мне, и мы обойдемся с тобой без грубостей, может, только немного порежем.

— Я не могу этого сделать, — отказалась Роксанна.

— Еще как можешь. Просто запусти руку под одежду и достань деньги. Поверь, так будет лучше для тебя. Анил и Мюрат не такие добрые, как я, они уже готовы тебя убить.

— Если вы отнимете у меня деньги, вы тем самым убьете двух детей, — объяснила Роксанна.

Человек пожал плечами.

— Они не первые и наверняка не последние.

Он махнул рукой, и двое приятелей бросились к ней. Роксанна, развернувшись, побежала по улице, крича о помощи, хотя и знала, что никто не откликнется. Чья-то рука схватила ее за одежду. Она вырвалась, но тут же получила удар кулаком в плечо, потеряла равновесие и, чтобы не упасть, оперлась руками о стену.

Фрагмент кирпичной кладки осыпался, Роксанна не удержалась на ногах и с криком упала на колени. Она оказалась лицом к лицу с нарисованным на стене воином в красно-белом шлеме. Затем в спину между лопаток ей уперлась чья-то нога и сильно толкнула. Роксанна ударилась лицом в твердую землю, кровь из прокушенной щеки мгновенно наполнила рот. Сильные руки грубо перевернули ее на спину.

Капошон вместе с завязанной на голове косынкой свалился, открыв лицо, и бандит радостно оскалил щербатые зубы.

— Да она хорошенькая! — крикнул он.

Его нож блеснул, поймав свет ближайшего фонаря.

Вторая пара рук разорвала ворот одежды, и Роксанна отчаянно забилась.

— Отпустите меня! — завопила она.

Но подручные Бабу Дхакала ее словно не слышали.

– Я тебя предупреждал, – почти дружеским тоном произнес главарь.

– Нет! – выкрикнула Роксанна. – Это я вас предупреждала!

Бандит, возившийся с ее поясом, вдруг забился в судорогах, как будто замкнул собою высоковольтную линию. Сквозь стиснутые зубы запузырилась кровавая пена, а из глаз вылетели облачка пара. Он с визгом отлетел от Роксанны, обхватив ладонями дымящийся череп, и продолжал метаться, как будто отбиваясь от невидимых противников.

– Ты что творишь?! – закричал второй бандит и в ужасе отскочил от Роксанны.

Роксанна приподнялась и выплюнула сломанный зуб. Ярость и боль исключали всякие мысли о милосердии. Она уставилась на перепуганного насильника и снова сделала то, от чего ее так настойчиво предостерегали наставники.

Человек заорал, из его ушей и носа хлынула ярко-красная кровь. В одно мгновение жизнь покинула его тело, и громила, словно пьяный, бессильно сполз по стене. Роксанна с трудом поднялась на дрожащих ногах. Третий бандит испуганно попятился.

– Ты ведьма! – закричал он. – Проклятая ведьма!

– Я просила оставить меня в покое, – ответила Роксанна. – Но вы не послушали.

– Я тебя пристрелю! – заорал он, поднимая пистолет.

Оружие выпало из его рук, когда бандит затрясся, и из всех отверстий в его голове стал вытекать кипящий мозг. Он беззвучно повалился на бок, череп стукнулся о землю и обвалился внутрь, как воздушный шарик, из которого выпустили воздух.

Роксанна, едва дыша, оперлась о стену. Учиненный ею разгром поверг девушку в смятение. Роксанна поспешно повязала косынку и накинула капюшон, пока никто ее не увидел и не узнал.

Снова ее преследуют кровь и смерть. Таких, как она, моряки в старину называли «накликающими беду», и, куда бы она ни пошла, несчастья и смерть шли рядом. Она не хотела

убивать этих людей, но инстинкт самосохранения овладел ее существом, и Роксанна уже ничего не могла поделать, чтобы предотвратить их гибель.

На руке первого из убитых бандитов она заметила клановую татуировку и похолодела.

Да, это были люди Бабу Дхакала.

За смерть своих подручных он потребует крови, Бабу не принадлежит к людям, старающимся сдерживать свой гнев. Он нанесет ответный удар, и положение станет только хуже.

— Великий Трон, что же я наделала? — прошептала Роксанна и бросилась бежать.

Скиммер медленно скользил по Городу Зрения, отбрасывая голубые и аметистовые отблески на вечно сумрачные улицы. Статуй здесь совсем не было, а здания, несмотря на светлые колонны, благородные очертания и гармоничные пропорции, казались мрачными монолитами на склонах гор. Они высасывали свет и тепло из угасающего дня, словно черные дыры.

Кай сознавал свою склонность к мелодраматизму. Он презирал этот порок в других, но сам никак не мог от него избавиться. Когда-то он поверил, что навсегда расстался с этим унылым городом, но вот снова оказался здесь, как не выдержавший испытаний кандидат.

Сравнение он счел вполне уместным, ведь, в сущности, так оно и было.

Тень Пустой горы, нависшей над Городом Зрения, накрывала и Кая. Он старался казаться равнодушным, но от мысли, что он может там оказаться, горло перехватывало от страха. Он постарался прогнать мрачные мысли и сосредоточился на дороге. Тортега отвернулся от окна; даже этот глупец ощутил наполняющее Город Зрения ощущение мрачной безысходности. Кай, воспользовавшись минимальной долей своих психических способностей, определил свое точное местоположение. Благодаря аугментическим имплантатам, спроектированным и изготовленным искусными адептами Механикум, ему почти не пришлось прибегать к слепозре-

нию, чтобы в одно мгновение совместить психическое восприятие с визуальным.

Он прикрыл глаза, не переставая ощущать тяжесть окружающих зданий и эфирное давление многочисленных башен псайкеров. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы сориентироваться, но затем архитектурные сооружения превратились в разноцветные светящиеся линии. Скиммер только что миновал Зеркальную галерею – огромное, похожее на собор здание, через которое проходили самые достойные инициаты к потрясающим воображение пещерам под городом. В глубоких подземельях Дворца им предстоит преклонить колени перед Императором, и тогда их невероятно сложные нервные схемы подвергнутся мучительному преобразению, чтобы лучше противостоять опасностям варпа.

Кай помнил, как он сам, взвинченный и неуверенный в себе, в сопровождении Черных Часовых проходил по этой галерее. Он полагал, что зеркала поставлены для того, чтобы инициаты могли в последний раз увидеть свое лицо перед тем, как их глаза выжжет непостижимая сила. Но за годы, прошедшие с того момента, он так и не решил, было ли это проявлением милосердия или жестокости.

Он прогнал воспоминания, не желая возвращаться к личным переживаниям в присутствии тех, кто мог неправильно истолковать его болезненное состояние, сочтя его за страх перед будущим. Кай обратил свой мысленный взгляд вдоль плоской равнины, к самой высокой башне Города Зрения. Стоящая особняком Башня Шепотов была пронизана сетью серебристых лучей, недоступных взглядам простых смертных.

Но даже ее яркое сияние затмевало пылающее копьё света, поднимающееся из Пустой горы. Этот блеск имел совершенно другую природу и мощь, и Каю потребовались немалые усилия, чтобы исключить его из зоны восприятия.

– А почему на улицах не видно телепатов? – спросил Тортега. – Я заметил только сервиторов, курьеров да несколько рабов Механикум.

Кай открыл глаза. Разноцветный светящийся город рассеялся в его мозгу, сменившись прозаической геометрией

прямоугольных каменных глыб. И хотя он в любой момент мог бы восстановить видение, в такие моменты, как этот, он был почти готов от него отказаться.

— Ученики и адепты Телепатика передвигаются в основном по сети тоннелей и переходов, высеченных в скалах под городом. Лишь немногие выходят наружу, если не могут этого избежать.

— Почему?

Кай пожал плечами.

— Ощущение солнечного света на коже напоминает об утраченном.

— Да, конечно, я понимаю, — с глубокомысленным видом кивнул Тортега, как будто заглянул в глубину человеческой психики, а не получил очевидное пояснение.

— Кроме того, городские стены и гора под ними пронизаны пси-разрядными кристаллами, и потому там гораздо тише. Наверху для астропатов слишком шумно, — продолжал Кай. — Они слышат несдерживаемые мысли, разрозненные отрывки разговоров и необузданные эмоции. Нас, конечно, учат отгораживаться от всего этого, но фон всегда остается. Намного легче жить, когда ничего этого нет.

— А ты сейчас что-то слышишь?

— Только твою непрерывную болтовню, — ответил Кай. Тортега вздохнул.

— Кай, твоя враждебность обусловлена желанием защититься. Если ты откажешься...

— Избавь меня от нее, — бросил Кай.

Опустив затылок на мягкий подголовник, он снова закрыл глаза. Его слепозрение отыскало мерцающее сияние Башни Шепотов и источники мыслей, поджидавшие его у входа.

Один разум был настроен доброжелательно, тогда как второй ощетинился враждебностью, которой не мог скрыть даже защитный шлем.

Скиммер плавно остановился, и похожие на крылья летучей мыши створки поднялись вверх, издав шипение, характерное для высококлассной пневматики. Трое солдат сразу

покинули машину, а четвертый коротким взмахом дробовика предложил выйти Тортеге и Каю. Тортега сразу же покинул скиммер, а Кай налил еще порцию амасека. Он тянул время, стараясь отсрочить неминуемое.

— Выходи, — приказал солдат.

— Еще глоток, — попросил Кай. — Поверь, там нет ничего похожего.

Опустошив бокал одним глотком, он закашлялся от обжигающе крепкого напитка.

— Ну, теперь все? — раздался голос из-под непроницаемого визора.

— Кажется, — ответил Кай.

Он вытащил из бара бутылку, сунул себе под мышку и выбрался из уютного тепла кабины.

Снаружи его хлестнул морозный горный воздух, и первый же вдох обжег горло куда ощутимее, чем амасек. Он успел забыть, как здешний холод умеет пробираться до костей. Кай позабыл многое, что касалось Города Зрения, но никогда не забывал доброты женщины, вышедшей его поприветствовать из входной арки.

— Привет, Кай, — сказала Аник Сарашина. — Рада снова тебя видеть.

— Госпожа Сарашина, — с легким поклоном ответил он. — Не сочти за оскорбление, но я не могу сказать того же о себе.

— Ничего другого я и не ожидала, — сдержанно и грустно улыбнулась она. — Ты никогда не мог скрыть своего желания оказаться как можно дальше отсюда.

— И все же я здесь, — сказал Кай.

Стоявший рядом с ней человек сделал шаг вперед. Его устрашающая внешность вполне соответствовала мерцающей дымке враждебности, окружавшей фигуру. Облаченный в угольно-черные доспехи, с непримиримым обветренным лицом, верхняя часть которого была скрыта под визором шлема, он олицетворял власть, словно кулак в кольчужной перчатке.

Воин принял от командира эскорта свернутый пергамент и сломал восковую печать.

— Передача состоялась, — сказал он, ознакомившись с содержанием документа. — Теперь Кай Зулан находится под охраной Черных Часовых.

— Под охраной, капитан Головка? — уточнил Кай.

Из башни вышел отряд солдат в рельефных кирасах и конических шлемах — доспех, очень похожий на первую модель брони Астартес. Каждый воин держал в руке длинное копьё с черным лезвием и кристаллическим набалдашником на конце древка.

— Да, Зулан. И теперь я генерал-майор Головка, — ответил воин.

— Ты неплохо продвинулся, — заметил Кай. — Неужели все старшие чины твоей службы погибли в каком-то ужасном несчастном случае?

— Кай, процесс излечения не стоит начинать с оскорблений, — вмешался Тортега.

— Ой, заткнись, несчастный идиот! — воскликнул Кай. — Уходи, пожалуйста. Забирай этот драгоценный скиммер примарха и уматывай отсюда. Не могу больше тебя видеть.

— Я просто пытаюсь помочь, — с недовольной миной ответил Тортега.

Женская рука мягко обхватила локоть Кая, и в его сознание хлынул поток умиротворяющей энергии, сгладивший взбешенные мысли и наполнивший его ощущением безмятежности, которой он был лишен все последние месяцы.

— Все в порядке, хирургeon Тортега, — сказала Аник Сарашина. — Кай дома, и он один из нас. Вы сделали все, что могли, и теперь наша очередь о нем позаботиться.

Тортега коротко кивнул и резко развернулся. Он помедлил, словно собираясь что-то сказать, но передумал и забрался в скиммер. Солдаты Дома Кастана последовали за ним, и с глухим щелчком створки люка опустились.

Скиммер вертикально поднялся и улетел, как будто старался поскорее покинуть эти места.

— Гнусный человечиска, — произнес Кай вслед удаляющемуся скиммеру.

Глава 2

КРИПТЭСТЕЗИАНЕЦ ХРАМ ПЕЧАЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ

В глубококом подземелье Башни Шепотов одинокая фигура в одеянии, украшенном вышивкой и нефритом, стояла в центре сводчатого зала, где раздавалось эхо бесчисленного множества голосов ушедших хористов. Незнаваемые и неразборчивые звуки кружились над головой, словно искаженный вокс-сигнал или сообщение, пришедшее из древних веков.

В центре купола внутренним светом мерцала кристаллическая решетка, и ее сияние стекало с многочисленных углов снопами рассеянных лучей. Эвандер Григора стоял в центре светового клубка, раскинув руки, словно дирижер невидимого оркестра. Вокруг него формировались туманные силуэты, бесчисленные лица, предметы и пейзажи. Они кружились в падающих лучах словно привидения, затем рассеивались ключьями тумана, подчиняясь его отточенным жестам.

Голоса звучали то громче, то тише, передавая разрозненные слова и растянутые фразы, бессмысленные для всех, кто не постиг искусства криптэстезианства. Григора процеживал Поток с аккуратностью опытного хирурга, отбрасывая то, что не представляло значения, и откладывая в памяти заинтересовавшие его фрагменты.

Григора был не из тех, чьего общества ищут окружающие. Обладатель ничем не примечательной внешности, он видел тайное, уродливое лицо человечества, и это знание застыло

на его лице вечной меланхолией. В то время как другие могли говорить о любви, истине и новом Золотом веке, Григора видел в психической сущности каждого сообщения, принимаемого в Городе Зрения, все те же похоть, лживость и застарелое лицемерие.

И сейчас все это проявлялось как никогда ярко.

После предательства Хоруса и отправки карательной флотилии Рогала Дорна астропатические хоры, стремясь удовлетворить все запросы по ведению удаленной войны, работали на пределе своих возможностей. Хорус Луперкаль разжег угли предательства в нестабильной Галактике, и волна отступничества приводила под его знамена все новые и новые системы, еще недавно заявлявшие о своей преданности Империи.

Казалось, что мечта Императора о галактическом Единстве тает с каждым днем.

Эфирное пространство было переполнено астропатическими сигналами, но в варп уносились все новые и новые послания, вопиющие о помощи или просто брызжащие ненавистью. Залы-ловушки под железными башнями Города Зрения заполнялись психическим отсеком тысяч сообщений, и криптэстезианцы Григоры с трудом успевали справляться с этим грузом. Перед лицом предательства каждое послание, направляемое на Терру, независимо от того, насколько подлинным оно казалось, должно было быть тщательно исследовано. Поток непрерывно профильтровывался в поисках малейших признаков шифровок, которые могли предназначаться для тайных агентов Воителя.

Из дворца ежедневно отправлялось невероятное количество информации, отчего астропаты Города Зрения сторали намного быстрее, чем прежде. Капитаны Черных Кораблей, стараясь восполнить потери, все шире раскидывали свои сети в поисках псайкеров, но война лишала их возможности охотиться в самых многообещающих системах.

Новые астропаты появлялись каждую неделю, но потребности Империи намного превышали их возможности.

И тем не менее в составе свежего пополнения астропатов имелась одна личность, которую Григора считал помехой.

Он категорически возражал против возвращения Кая Зулана в Башню Шепотов, настаивая на его водворении в Пустой горе, но хормейстер проигнорировал его доводы. В решении о репатриации Зулана Григора усмотрел влияние Сарашины, и потому встретил ее по возвращении с очередной встречи с эмиссарами Сигиллита. В походе женщины отчетливо виднелась усталость, но ее состояние нисколько не беспокоило Григору.

— Итак, твой ученик возвращается к нам? — спросил он, даже не стараясь скрыть своей язвительности.

Она обернулась, и Григора заметил мгновенно подавленную вспышку раздражения.

— Не сейчас, Эвандер, — откликнулась Сарашина. — Дай мне хотя бы войти в башню, прежде чем набрасываться с упреками.

— Это срочный вопрос.

Она вздохнула.

— Кай Зулан. Да, он прибудет на этой неделе.

— Надеюсь, ты сознаешь, что Дом Кастана просто избавляется от него, чтобы сохранить лицо перед Тринадцатым легионом. Если ты не сумеешь его восстановить, вина падет не на них, а на нас.

— Мне не придется его восстанавливать, потому что он не сломан, — ответила тогда Сарашина, торопливо шагая к башне. — В нашем деле каждый рано или поздно ощущает потерю и получает травмы.

Григора покачал головой.

— У Зулана нечто иное. Космодесантники должны были всадить болт в затылок и ему, и девчонке, как только их обнаружили. Вердучина это понимает, как понимает и хормейстер. Но только не ты. Почему?

— Кай самый сильный телепат из всех, кого мне довелось тренировать, — ответила Сарашина. — Он и сам не знает, насколько силен.

— Но что они увидели и услышали?

— Нечто более ужасное, чем ты или я можем себе представить, но они выжили, и я не могу их за это осуждать.

Я уверена, что у Астартес имелись причины сохранить им жизнь, и я узнаю, что это за причина.

— Оракулы не нашли ничего, что подтверждало бы твое мнение, — заметил Григора. — В противном случае я бы об этом узнал.

— Даже ты не в состоянии оценить все вероятности, Эвандер.

— Верно, но я вижу больше, чем ты. Достаточно много, чтобы понять, что Зулан не должен здесь оставаться.

— Что тебе известно? — спросила Сарашина. — Что такого отыскивали твои гнусные падальщики, чтобы так говорить?

— Ничего конкретного, — признал Григора. — Но в отголосках каждого видения, которые мы анализируем, имеются темные течения, скрытые образы без формы и сущности. Они непонятны мне, и ничего похожего нет ни в одной из моих онейрокритик¹.

— А ты заглядывал в «Алкера Мунди»?

— Конечно, но даже в коллекции Юна я не могу найти никаких толкований, кроме текстов вульгарных фантазеров эпохи, предшествующей Единству: демоны, боги и тому подобное.

— Тебе бы следовало знать, что не стоит доверять видениям тех, кто верил в колдовские и божественные силы. Ты меня удивляешь, Эвандер.

На этом их разговор закончился, и, несмотря на все возражения Григоры, хормейстер позволил Каю Зулану вернуться в Город Зрения. Григора неожиданно для себя обнаружил, что его союзником оказался Максим Головка, что делало ситуацию почти анекдотической.

После сеанса связи Абира Ибн Халдана с Десятым легионом поток психического излучения в зале значительно усилился, и Григора прогнал мысли о Кае Зулане. Известие от главной флотилии Ферруса Мануса, помчавшейся к Истстваану за удовлетворением личной мести, вызвало целый

¹ «Онейрокритика» — толкователь снов в пяти книгах, созданный в античной Греции.

сноп посланий от Рогала Дорна, в которых он призывал брата к осторожности и строгому выполнению приказов. Вот только неизвестно, обратит ли кто-нибудь на них внимание. Григора широкими взмахами рук и точными движениями пальцев начал процесс психического исследования, надеясь, что увидит очередной фрагмент картины, преследующей его вот уже больше ста лет.

Григора сидел на перекрестке Империиума, где сходились и пересекались линии связи. Отсюда поступали приказы о движении, отзыве и перегруппировке флотилий. В стенах Дворца решались судьбы десятков тысяч миров, и все послания проходили через Город Зрения. Задача криптэстезианцев состояла в том, чтобы отфильтровать огромное количество психического мусора, остающегося после сеансов связи. Мало кто получал удовольствие от этого занятия, но Эвандер Григора сделал его делом всей своей жизни.

Телепаты всех миров Империиума направляли свои мысли к Терре уже почти два столетия, и каждое послание рано или поздно поступало в этот зал. Известия о войнах, об утраченных ветвях человечества, о героях и трусах, о верности и предательстве и вдобавок еще о миллионах банальных вещей.

Вот уже больше ста лет Эвандер просеивал психические излучения миллионов астропатов, и в обрывках передаваемых сообщений находил скрытые признаки зла, алчности и подстрекательства к мятежу. Он видел все худшие черты людей, читал мрачные, мелочные, оскорбительные и злокозненные намеки, скрытые во всем, что они говорили, сами того не сознавая.

И в клубке бесчисленных сообщений, проходящих через Город Зрения, Эвандер Григора стал просматривать некий замысел. Год за годом он изучал Поток, отыскивая едва уловимые признаки намечающейся схемы, и с каждой обнаруженной мельчайшей деталью убеждался в ее непревзойденной сложности. Завуалированные намеки обнаруживались едва в одном послании из сотни, потом из тысячи и десятка тысяч. И каждый раз истинное содержание скрывалось под тайным кодом или очевидной глупостью, таилось в подтексте, настолько незаметно, что его не улавливали даже передающие послание.

Спустя несколько десятков лет стало ясно, что в Империи существует секрет, известный лишь разрозненной группе безумцев, не подозревающих о существовании друг друга. Но они продолжали запускать в варп свои отчаянные послания в тщетной надежде, что их предостережение будет услышано.

Эти послания сплетались в песню, пробивающуюся сквозь какофонию множества голосов.

Григора еще не расшифровал содержание этой песни, но уже пришел к одному неопровержимому выводу.

Она с каждым днем становится громче.

Встающее солнце принесло свет, но не избавление от холода. Дальние вершины гор резали глаза своей белизной, но их сияние почти не касалось крыш Города Просителей. Тысячи людей, собранные в ограниченном пространстве, выделяли достаточно тепла, чтобы предотвратить образование снежного покрова, но холод все равно пробирал до костей. Роксанна плотнее запахнула свое одеяние и, дрожа, толкнула дверь храма, обитую листами стали. От пронзительного скрипа невольно сжались зубы, а потом дверь так же громко захлопнулась, и Роксанна оказалась в гулком зале, где господствовала скорбь.

Этот храм, как и большая часть зданий в Городе Просителей, был построен из случайных материалов, оставшихся от нескончаемого процесса сооружения, ремонта и перестройки дворца. Стены храма были возведены из отходов мрамора рабочими-мигрантами, исключенными из гильдии вольных каменщиков за регулярное употребление наркотиков.

И в украшавшей каменную кладку резьбе смешались самые разные стили. Здесь присутствовали скорбящие ангелы с воздетыми к небу руками, рыдающие херувимы с серебряными трубами и огромные птицы с горестно опущенными крыльями. Мозаика из египетской яшмы, изображающая толпы плакальчиков, украшала консольные выступы, а с фресок на людей смотрели посмертные маски мертворожденных младенцев.

Ряды скамей были заняты рыдающими родственниками, оплакивающими своих близких. Среди умерших можно было

заметить и стариков, но в большинстве случаев это были еще совсем молодые люди. Кое-кто обернулся на стук закрывшейся двери, и Роксанна опустила голову. Ее здесь знали, но не настолько, чтобы заговорить, и это вполне устраивало девушку. Такие, как она, могут привлечь к себе внимание, а ей этого совсем не хотелось.

Главное украшение храма было расположено в дальнем конце зала – высокая и довольно темная статуя, известная как Безучастный Ангел. Вольные каменщики обнаружили какие-то изъяны в сирийском нефрите, и незаконченная статуя оказалась на свалке. Подобно другим вещам, отвергнутым дворцом, она пригодилась в Городе Просителей.

Мускулистая фигура коленопреклоненного юноши обладала классическими пропорциями, но явно нуждалась в доработке – у него не было лица. Скульптор гильдии, вероятно, не успел придать ему сходство с кем-то из героев Империиума. Статуя уже год простояла в храме, но Палладий – по одному ему известным причинам – так и оставил ангела без лица, хотя Роксанна никак не могла избавиться от ощущения, будто ждущие резца глаза смотрят прямо на нее.

По сравнению с покоями, в которых Роксанна провела детство, украшения храма казались грубыми и незамысловатыми, но впечатление от них превосходило все, что она знала до сих пор. И, что еще более невероятно, все они были произведениями одного человека.

Палладий Новандио стоял рядом с Майей, рыдавшей у ног Безучастного Ангела. Она прижимала к груди бездыханного младенца, словно надеясь, что он снова будет сосать ее молоко. Слезы текли из глаз матери и скатывались по холодным щекам ребенка. Палладий, подняв голову, увидел, как Роксанна присела на скамью в боковом нефе, и приветствовал ее кивком. Мысль о том, что она находится в месте религиозного культа в непосредственной близости от мирского сердца Империиума, вызвала на ее губах слабую улыбку. С тех пор, как она с позором возвратилась на Терру, изменилось немного.

Ссутулившийся мужчина тронул ее за рукав, и Роксанна едва не подпрыгнула от неожиданности. Она не слышала его шагов. Лицо человека казалось застывшим от горя.

— Кого ты потеряла? — спросил он.

— Никого, — ответила она. — По крайней мере, недавно. А ты?

— Моих младших сыновей, — сказал мужчина. — Это моя жена у статуи.

— Ты Эстабен?

Мужчина кивнул.

— Я соболезную твоей утрате, — сказала Роксанна.

Эстабен пожал плечами, словно речь шла о чем-то несущественном.

— Может, это и к лучшему.

Прежде чем Роксанна успела спросить, что он имеет в виду, Эстабен сунул ей в руку бумажный свиток и направился к жене. Подойдя к Майе, он приобнял ее за плечи. Она помотала головой, но муж нагнулся и стал что-то нашептывать ей на ухо. Спустя некоторое время ее рыдания сменились тихими стонами, а потом Майя положила мертвое дитя на пол.

Эстабен повел жену прочь от статуи, и Роксанна наклонилась голову, когда они проходили мимо. Она хотела оставить их наедине со своим горем, а кроме того, втайне боялась, что несчастье может оказаться заразительным. Через минуту она подняла взгляд и заметила, что на скамью перед ней сел Палладий. Роксанна слегка улыбнулась ему.

— Ты достала лекарство? — спросил он.

— Да, — кивнула Роксанна. — Хотя пришлось потратить немало времени, чтобы вывести Антиоха из наркотического ступора.

— Этому человеку нравится испытывать свой товар на себе, — качая головой, заметил Палладий. — Глупо.

— Вот лекарство, — добавила Роксанна, доставая из складок одежды сверток величиной с детский кулак. — Этого могло хватить для обоих ребяташек.

Палладий взял лекарство и кивнул. От постоянной работы с резцом и долотом его руки огрубели и покрылись

мозолями, а под ногтями не исчезали черные полоски. Это был человек средних лет с седеющими волосами, а его лицо после долгих лет работы под открытым небом над статуями, колоннами и барельефами стало обветренным, как горный склон.

— Майя будет тебе благодарна, — сказал Палладий. — Как только закончит оплакивать малышей.

— Ты заплатил за лекарство, я только сходила забрала его.

— Но ты сильно рисковала, — заметил Палладий. — Обошлось без проблем?

Она опустила голову. Роксанна понимала, что должна рассказать о происшествии, но больше, чем любого наказания, она боялась разочаровать Палладия.

— Роксанна? — окликнул он ее, не получив ответа.

— Я столкнулась с людьми Бабу Дхакала, — наконец заговорила она.

— Понятно. — Палладий вздохнул. — И что произошло?

— Она напали на меня. Я их убила.

— Как?! — воскликнул он.

— А как ты думаешь?

Палладий успокаивающим жестом поднял руку.

— Тебя кто-нибудь видел?

— Я не знаю, возможно, — ответила Роксанна. — Я не хотела их убивать. Сначала не хотела. Но они бы прирезали меня, наиздевавшись бы вволю.

— Я знаю. Но ты должна быть более осторожной, — сказал Палладий. — У Бабу очень крутой нрав, и он вскоре выяснит, что случилось с его людьми. А потом наверняка придет сюда.

— Мне очень жаль, — сказала Роксанна. — Я не хотела доставлять вам неприятности. Но похоже, только это и делаю.

Палладий взял ее пальцы в широкие мозолистые ладони и медленно растянул губы в улыбке.

— Будем решать проблемы по мере их возникновения, Роксанна, — сказал он. — Посмотрим, что будет завтра. А сегодня мы живы, и у нас есть лекарство, чтобы помочь двум детям увидеть следующий рассвет. Если ты хочешь чему-нибудь

здесь научиться, знай, что смерть окружает нас в мириадах своих облиций и только и ждет, чтобы застать нас врасплох. Уважай смерть во всех ее проявлениях. Примирись с ней, и на некоторое время ты избавишься от ее жестокого внимания.

В его словах звучала страсть настоящего фанатика, но глаза светились добротой. Роксанна мало знала о его прошлом – только то, что когда-то он был старшим мастером в бригаде военного архитектора Вадока Сингха. Очевидно, он перенес тяжелую потерю, но Палладий никогда не рассказывал, что побудило его воздвигнуть храм из строительного мусора в Городе Просителей.

Роксанна опустила голову. Она слишком хорошо знала, как легко и внезапно смерть может изменить течение жизни, даже если и не прервет ее.

– Что дал тебе Эстабен? – спросил Палладий.

Она взглянула на свиток пергаментов, словно увидела их впервые. Листы были тонкими и выглядели так, словно с них соскоблили уже не первый слой чернил.

– Как обычно, – ответила она, пробегая глазами текст, написанный поверх стертых строк, и выхватывая случайные фразы.

Кое-что она прочла вслух:

– «Император есть Свет и Путь, и все его деяния направлены во благо человечества, его народа. Император есть Бог, и Бог есть Император, так учит „Лектицию Дивинатус“. Император превыше всех, Император защитит»...

– Дай-ка взглянуть, – неожиданно резко произнес Палладий.

Роксанна протянула свиток, и он выхватил бумаги из ее рук.

– Не хватает только этой чепухи из «Лектицию Дивинатус»! – с презрительной усмешкой сказал он, разрывая страницы пополам. – Горстка отчаявшихся людей, обманутых сияющим светом. Им еще предстоит убедиться, что не все то золото, что блестит.

– Они довольно безобидны, – пожав плечами, заметила Роксанна. – И подбадривают людей.

– Чуть! – отрезал Палладий. – Это опасное заблуждение, и я слышал, что они распространяют свои фантазии уже за пределами Терры. Это худший вид лжи, поскольку они успокаивают людей надеждой на защиту, которой не существует.

– Прости, – сказала Роксанна. – Он просто сунул мне бумаги. Я его не просила.

Палладий мгновенно раскаялся.

– Да, конечно. Я знаю, но не хочу, чтобы ты читала нечто подобное. Есть только одна истина, и это необратимость смерти. А это самый отвратительный обман, потому что, должен тебе сказать, Император *не* защищает.

Кай слышал, как один мудрый человек утверждал, что вернуться домой невозможно, но до этого момента не понимал смысла его слов. Рожденному в зажиточной семье из мериканской глубинки, Каю довелось немало путешествовать со своим отцом, агентом-посредником, заключавшим контракты между конгломератами Терры и уцелевшими коммерческими структурами недавно приведенных к Согласию миров.

Еще подростком Кай поднимался на вершины Среднеатлантического хребта, исследовал руины городов Урша, купался в сиянии вулканических кратеров Панпасифика и спускался в Мариинское ущелье, чтобы полюбоваться скальными скульптурами, высеченными художниками-геологами забытых веков.

Вся жизнь его состояла из чередующихся приключений, но, какими бы волнующими ни были поездки, Кай всегда был рад увидеть родной дом, притаившийся высоко в скалах, оставшихся от монумента давно умершим королям древности. Мать всегда встречала его радушной улыбкой, хотя и немного грустной. Она знала, что муж и сын скоро снова отправятся в путь.

Дом был для Кая не просто местом, он олицетворял особое состояние духа. И даже когда Кай достиг совершеннолетия и за ним пришли люди с Черных Кораблей, он всегда

хотел возвратиться домой и увидеть радушную и грустную улыбку матери.

Затем его домом стал Город Зрения, но в это место Кай никогда не стремился вернуться.

Внутри Башни, под высокими потолками залов было темно и холодно, но аугментические имплантаты Кая компенсировали слабое освещение, и окружающая обстановка быстро проявилась в мерцающем зеленоватом сиянии.

Нельзя сказать, чтобы строители намеренно создали Башню такой негостеприимной. Нет, такой ее сделали обитатели. Кай представил себе золототканые драпировки и сияющие огни и решил, что Башня Шепотов могла бы производить грандиозное впечатление.

Каменная кладка стен, местами ставшая гладкой и даже слегка вогнутой, была отмечена специально высеченными указателями, помогавшими недавно ослепленным телепатиям определить свое местонахождение. В полумраке то тут, то там мерцали шепчущие камни, и Кай гадал, какими тайнами они обмениваются в эти беспокойные времена. Вслед за Сарашинной он прошел по сужающемуся залу к изогнутой стене – гладкой и серебристой, и неуместно современной среди древних камней. Закрытый на психическом уровне проход в серебристой стене охраняли двое Черных Часовых, но они расступились, как только Головка взмахнул информационным жезлом. Кай заметил, как в визорах солдат, автоматически сохранявших бинарную информацию, вспыхнули и угасли светящиеся колонки кодовых символов.

Дверь сдвинулась в сторону, и изнутри вырвался порыв холодного ветра. Насыщенный психической энергией воздух коснулся лица Кая, вызвав невольную дрожь. За дверью открылся гравитационный лифт в виде двойной спирали и проходящий по всей высоте Башни. В луче света, окружавшем гравитационное поле, аугментика Кая уловила дрожащие волны, пробегающие вверх и вниз по мерцающему каскаду.

В серебряных стенах шахты имелись герметично закрытые двери, за которыми в обшитых металлом Залах мысли

астропатические хоры принимали и отправляли послания со всей Галактики. Другие двери вели в огромные сводчатые залы библиотек, где хранились собранные из самых дальних уголков Терры книги о таинственных силах.

— Мы направимся на уровень, отведенный для новичков, — сказала Сарашина.

Она шагнула в левый завиток двойной спирали, и гравитационное поле, приняв ее в свои ласковые объятия, плавно унесло вниз. Кай помедлил у границы света. Он сознавал, что после этого шага пути назад уже не будет.

— Пошевеливайся, Зулан! — прикрикнул Головка. — У меня есть более важные дела, чем нянчиться с тобой.

— Я в этом сильно сомневаюсь, — ответил Кай и шагнул в столб света.

Любой шаг хорош, если он отдаляет его от Головка.

Свет подхватил Кая и понес его вниз вдоль оси башни. Плавно изогнутая спираль, медленно поворачивая своего пассажира, опускала его в подземелье, где находилась бывшая обитель Кая. Мимо проплывали выступающие ступени, где он мог бы выйти из лифта, но Сарашина сказала, что они направляются на уровень для новичков, а это помещение располагалось у самого подножия башни.

Наконец ноги коснулись прочной тверди, и Кай вышел из световой колонны. Глаза мгновенно приспособились к яркому освещению. Обитатели здешних залов не все были слепыми, и потому с каменного потолка на медных цепях свисали ничем не прикрытые люмосферы. Помещение было вырублено в теле скалы, а затем облицовано керамическими плитками бутылочно-зеленого цвета. Облицовка делала зал похожим на приемную в медицинском учреждении, тем более что из него выходило множество запертых переходов, уводящих в глубь башни. По некоторым коридорам можно было попасть в учебные библиотеки, где вновь прибывшие проходили курс специальной скорописи, изучали общепринятые символы и основные мантры посланников. Другие двери вели к кельям послушников и общим помещениям для приема пищи и очистительных процедур, а еще несколько

проходов заканчивались герметично закрытыми звуко-проницаемыми камерами.

Кай воспользовался недолгим отсутствием Головки и его Черных Часовых, чтобы внимательнее присмотреться к своей бывшей наставнице.

Аник Сарашина постарела с тех пор, как Кай видел ее в последний раз, и яркий свет люмосфер этого не скрывал. Ее волосы утратили былой золотистый блеск и стали полностью серебристыми. Линии морщин, расходящиеся от пластиковых полукружий, вставленных в глазницы, стали глубже и отчетливее. Она уже была старой, когда Кай проходил обучение, а теперь выглядела древней.

— Я изменилась? — спросила Сарашина.

Кай, застигнутый врасплох, невольно покраснел.

— Ты выглядишь... старше, — сказал он, немного запнувшись.

— Я и стала старше, Кай, — ответила Сарашина. — Я слишком долго путешествую в варпе, и он оставил на мне свои отметины.

Она подняла руку и прошла пальцами по раздраженной коже его лица. Прикосновения были легкими, как перышко, и очень нежными.

— И на тебе тоже.

Преждевременное старение было проклятием всех астропатов, и Кай сам знал, что утратил чистоту линии высоких скул и часть пышной шевелюры, которую давно тронула седина. Хотя ему еще не было сорока, на вид ему можно было дать все пятьдесят. Из зеркала — когда он еще мог видеть свое отражение — на него смотрело бледное осунувшееся лицо с ввалившимися щеками и запавшими глазами. Разрушениям, вызываемым постоянными путешествиями в варпе, могли противостоять только самые дорогие и эффективные омолаживающие процедуры, но ни один астропат, даже из Дома Кастана, не был настолько тщеславен, чтобы на это решиться.

Кай попятился от руки Сарашины.

— Я никогда не думал, что вернусь сюда, — сказал он, стараясь сменить тему разговора.

— Мало кто из нас возвращается, — согласилась Сарашина.

— Должен ли я чувствовать себя польщенным, удостоившись такой чести?

— Это зависит от того, как ты смотришь на свое возвращение.

— Как на наказание, — ответил Кай. — Чем же еще можно это считать?

— Я тебя оставлю на время, чтобы ты мог над этим подумать, — сказала Сарашина, увидев, что из гравилфта вышел Головко.

За генерал-майором появились и Черные Часовые. Как только все собралось, Сарашина отперла расположенную слева от нее дверь. При таком повороте дела Кай нахмурился.

— Я не новичок, — сказал он. — А эта дверь ведет в тренировочные залы, где осваивают азы посланий.

— Все верно, Кай, — согласилась Сарашина. — Но где же еще ты можешь начать тренировки?

— Начать? Я больше десяти лет служил в Телепатика, и давно усвоил ритуалы погружения. Я не нуждаюсь, чтобы со мной обращались как с ребенком.

— Мы будем с тобой обращаться так, как сочтем нужным, — заявил Головко, подталкивая его к открытой двери. — Тебя об этом не спрашивают, а по мне, так тебе и вовсе не стоило позволять сюда возвращаться. Ты опасен, я это чувствую.

— Тебе надо сдерживать подобные «чувства», Головко, — сказал Кай, стряхнув его руку. — Иначе вокруг тебя соберутся чуткие пси-гончие. И я не думаю, что ты сможешь от них избавиться.

— Хватит препираться, — одернула их Сарашина. — Ваши споры просто смешны и могут вызвать эфирные возмущения.

Кай замолчал. Он знал, что Сарашина права, и помнил глухое раздражение, которое испытывал каждый раз, когда посторонние поддавались своим эмоциям в непосредственной близости от шепчущих камней. Без дальнейших возражений он последовал за Сарашинной по коридору, где кирпичная кладка была облицована керамическими плитками

цвета охры. Свет, проникавший из центрального зала, стал заметно слабеть. На массивных дверях вдоль всего прохода имелись таблички с номерами и именами. В каждой из этих келий дремал или грезил, а может, бодрствовал новый член Схоластиа Псайкана. Из-за пси-защищенных дверей определить это было невозможно. Вскоре вокруг стусутилась полная темнота, но Кай еще все отлично видел.

— Ты не пользуешься своим слепозрением, — заметила Сарашина, слегка наклонив голову.

В ее голосе Кай уловил оттенок разочарования.

— Нет, не пользуюсь. Аугментические устройства позволяют мне прекрасно видеть в темноте.

— Я понимаю, но какая тебе от этого польза?

— Мне не нравилось быть слепым. Я имею в виду понастоящему слепым. Я скучал по чтению.

— Для тех, кто лишен глаз, тоже имеются книги.

— Знаю, но я предпочитаю, чтобы слова сами приходили ко мне, — ответил Кай. — В записанном слове больше информации, чем в символах, которые мы различаем на ощупь. Письменность обладает особой красотой, которую не в состоянии передать контактный шрифт.

— Я бы могла с тобой поспорить, но это тема для вечернего разговора, когда на столе лежит хорошая книга и стоят чашки с горячим рекафом. А может, тебе понадобились глаза, чтобы цепляться за какой-то аспект жизни, предшествующей работе в Телепатика?

— Я не знаю, — сказал Кай. — Может быть. Я не думаю, что это так уж важно.

— Возможно, это помогло бы понять, почему ты не в состоянии составить послание и открыться для видений своих братьев.

— Я знаю принципы передачи посланий, — возразил Кай. — Я усвоил их всего за год.

— Тогда почему ты здесь? Почему Дом Кастана отослал своего исключительного астропата обратно в Город Зрения?

Кай не ответил, а Сарашина остановилась у кельи с открытой дверью.

— Кай, я хочу тебе помочь, — сказала Сарашина. — Ты был лучшим моим учеником, и, если ты потерпел неудачу, значит, и я в чем-то ошиблась.

— Нет, — ответил Кай. — Это все из-за того, что... произошло на «Арго».

Сарашина предостерегающим жестом подняла руку.

— Не говори об этом, пока другие находятся в состоянии покоя. — Она показала на запертые двери, выходящие в коридор. — Спи. Медитируй, если это тебе поможет. Отдохни, а утром мы с тобой поговорим.

Кай кивнул. В голове металось множество мыслей, но его тело нуждалось в отдыхе, и, хоть койка послушника была далеко не роскошным ложем, его манила возможность прилечь. Он шагнул в келью и еще на пороге уловил едва различимый голос из темноты. С обеих сторон от входа замерцали шепчущие камни, и ему стало интересно, в чьи недавние воспоминания он ненамеренно вторгся.

Воспоминания часто посещали обитателей Города Зрения и по большей части были нежеланным явлением. Тот, кто заботился о своем рассудке, предпочитал не задерживаться на думах о прошлом.

И Каю это было известно лучше, чем кому-либо другому.

Дверь за ним захлопнулась с глухим стуком. Скрипа запираемого замка, характерного для келий послушников, не последовало, но он ощущал присутствие оставшихся снаружи Черных Часовых. Сарашина могла относиться к нему как к заблудшему сыну, но Головка придерживался совершенно иного мнения. Кай мог только гадать, какими кошмарами оборачивается для новичков его враждебность.

Его дорожного сундучка еще не было в келье, и Кай подозревал, что Черные Часовые исследуют его пожитки в поисках потенциально опасных вещей. Они ничего не найдут. Кай ничего не хотел брать с «Арго», и теперь все его имущество состояло из нескольких рубашек, туалетного набора, отлично сшитого костюма от портнихи с ниппонского полуострова и, конечно, множества переплетенных в кожу онейрокритик.

Для Черных Часовых книги ничего не значат, а вот криптэстезианцы внимательно будут их изучать, чтобы убедиться в отсутствии скрытых значений.

Они тоже ничего не обнаружат, но он понимал, что проверка необходима.

Внутри келья была почти пустой, и ничто не указывало на ее прежнего обитателя. Такой порядок был оправдан, поскольку остаточное ощущение предыдущего постояльца повлияло бы на видения Кая. У стены стояла простая парусиновая койка, в ногах небольшой сундучок, напротив них – письменный стол и стул. На столе имелась черная тетрадь, промокательная бумага, стило и роговая чернильница.

Над столом висели пустые полки, поджидающие постоянно пополняемой коллекции онейрокритик астропата. Полки были не слишком вместительными, поскольку для создания внушительной библиотеки визуальных образов, символов и расшифровок снов новичку требовалось немало времени.

Кай поставил на стол прихваченную на скиммере бутылку амасека и взял в руки тетрадь. Рассеянно перелистнув страницы, он вдохнул резкий запах новой бумаги и снова положил тетрадь на стол. Пустые страницы ждали толкований снов. Тетрадь пока чиста, но потенциал будущих записей может превратить ее в заряженное оружие.

Будучи опытным астропатом, Кай мог счесть за оскорбление необходимость поселиться в келье новичка, но гнева он не испытывал. Отсутствие ответственности, которую накладывали сильные чувства, подействовало на него умиротворяюще. Он вытянулся на кровати и закрыл глаза, постепенно замедляя дыхание, несмотря на ноющую боль пси-истощения.

Большинство астропатов не испытывали трудностей при засыпании, какими бы тревожными ни были их мысли. После надлежащих мантр и техник погружения в транс можно было достичь любого состояния сознания.

Сон быстро пришел к Каю, но видения не позволили ему отдохнуть.

WWW.FANLIT.RU

**Интернет магазин издательства
“Фантастика Книжный Клуб”
КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ЦЕНЕ!**

**КЛУБНЫЕ ИЗДАНИЯ
НОВОСТИ И ОБЗОРЫ
ПРЯМЫЕ ПРОДАЖИ ОТ ИЗДАТЕЛЯ**

Как сделать заказ:

Вариант №1

Заказ через интернет магазин издательства www.fanlit.ru При предоплате заказа доставка заказа получателю - бесплатна.

Вариант №2

Заказ наложенным платежом с помощью бланка заказа.

Впишите в бланк заказа выбранные книги (и забудьте указать код книги). Вложите бланк заказа в конверт с маркой и отправьте по адресу:

198260, г. Санкт-Петербург, а\я 94 ООО “Издательство Фантастика Книжный Клуб”

Цены в каталоге указаны без учета сервисного сбора а также стоимости доставки до региона получателя почтой России.

**Издательство
Фантастика
Книжный Клуб**

Отправить по адресу:
ООО “Издательство Фантастика Книжный Клуб”
Россия, Санкт-Петербург, а\я 94, 198260

Наименование

Укажите
код книги

_____	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
_____	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
_____	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
_____	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
_____	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>

Ф.И.О. _____

Индекс _____ Город _____

Улица _____ Дом _____ Кв. _____

Я даю согласие на сбор, обработку и использование ООО «Издательство Фантастика Книжный Клуб» предоставленных мною персональных данных в маркетинговых целях.